

Юрий Гаврюченков
Сокровища Массандры

«Крылов»

2011

Гаврюченков Ю. Ф.

Сокровища Массандры / Ю. Ф. Гаврюченков — «Крылов», 2011

ISBN 978-5-4226-0038-0

Ни жены, ни детей, ни привязанностей – профессиональный мошенник Макс Верещагин выстроил свою жизнь по образцу эпохи лихих девяностых. Но вот ему встретилась молодая, симпатичная авантюристка Майя... и сердце закоренелого афериста растаяло. Влюбленная парочка отправляется в Крым, чтобы найти сокровище Страны Советов, запрятанное партизанами во время немецкой оккупации. «Действовать смело. Побольше цинизма. Людям это нравится», – руководствуясь наставлениями Остапа Бендера, жулик и карманница наводят на курорте плутовскую движуху. Но Крым – это не только беспечные отдыхающие, готовые поделиться деньгами с первым встречным джентльменом удачи. Гопники, таксисты, жулики всех мастей, гипнотизеры и шулеры, а также конкуренты в поисках сокровища, – все они добавляют Максу и Майе живительного адреналина. А притаившийся в глухом ущелье полк специального назначения МВД Украины «Тигр», словно злой дракон, охраняет партизанский клад и другие государственные секреты, невольными свидетелями которых приходится стать отважным кладоискателям.

ISBN 978-5-4226-0038-0

© Гаврюченков Ю. Ф., 2011

© Крылов, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава первая,	5
Глава вторая,	8
Глава третья,	17
Глава четвертая,	22
Глава пятая,	25
Глава шестая,	31
Глава седьмая,	38
Глава восьмая,	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юрий Гаврюченков

Сокровища Массандры

*Люди так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами,
что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.
Никколо Макиавелли. «Государь»*

Часть первая

Партизанский клад

Глава первая, в которой появляются контролеры общественного транспорта, но все кончается благополучно, к вящей радости безбилетных пассажиров

Макс не любил контролеров.

«А кто их любит?!» – воскликнет простой пассажир, и на его вопрос не найдется ответа. Это легко объяснить, ведь, несмотря на то что работа контролеров вполне законна, есть что-то глубоко аморальное в этой бескровной охоте на живых людей. Злопамятные трудящиеся метко прозвали их «насосами». Впрочем, как их только не обзывают безбилетные граждане. Но, даже если имеется у гражданина билет, то и тогда сердце екает, а поджилки начинают непроизвольно подергиваться, когда услышишь грубовато-напористое: «Предъявляем проездные документы!»

Макс не любил контролеров. Но с какого-то момента перестал их бояться. За набором из бляхи, удостоверения и нарукавной повязки он научился различать таких же, как и все остальные, затюканных жизнью людей, но, кроме всего прочего, еще и совершенно бесталанных, не сумевших отыскать для себя более достойного занятия, чем рэкет, разрешенный уголовным законодательством.

В этот раз деньги сосали трое молоденьких шакалят. Контролеры они были откровенно липовые, да и на промысел, судя по возбужденно блестящим глазкам, вышли впервые. Потому вели себя развязно, под маской наглости скрывая страх быть разоблаченными. Макс отмахнулся от них милицейской ксивой, которую носил для таких вот случаев. При виде «корочек» энтузиазм молодых людей потух, и они даже обошли стороной пассажиров, стоявших рядом с Максом. Но испуг быстро улетучился, и через минуту лжеконтролеры уже кого-то штрафовали в глубине салона.

Вообще-то Макс не собирался вмешиваться, не в его это было правилах. Однако спор, возникший между юниорами и одним из пассажиров, вдруг набрал обороты, переходя в высокую тональность самого настоящего скандала. Макс, не выдержав, обернулся. Спорила женщина, и Макс подумал, что самое время поучить сопляков уму-разуму.

Он оторвался от поручня и двинулся по проходу туда, где у средних дверей контролеры зажали молоденькую и симпатичную барышню. Барышня, бойко и ничего не боясь, требовала справедливости. В качестве малоубедительного контраргумента в воздухе мелькали пластиковые карточки на цепочках и растопыренные пальцы. Остальные пассажиры лишь косились на

спорщиков – кто с неприязнью, кто с презрением, а кто и со страхом. Рядом с девушкой нерешительно вибрировал телом парень лет двадцати, не решаясь, видимо, прийти на помощь.

– В чем проблема? – Макс, раздвинув молодых людей выставленным вперед плечом, с ходу взял быка за рога.

Липовые контролеры вспомнили его и сразу притихли. Оснований избегать милиции у них было более чем достаточно. Тем не менее их лидер, белокрысый и веснушчатый, лет восемнадцати, постарался взять себя в руки, чтобы доиграть роль до победного конца.

– Вот, – кивнул он на девушку. – Проездного нету, а штраф платить не хочет.

Макс считал возможным ознакомиться с позицией ответчика.

– У них документы поддельные! – заявила барышня. – Проверьте! Там фотографии другие!

Отиравшийся возле нее парень наконец улучил момент.

– Давайте посмотрим, – расхрабрился он, отважно заслоня плечом попутчицу. – Может, их в милицию надо вести.

Макс кивнул и, дабы подтвердить свое право на ведение дальнейшего расследования, во второй раз за сегодняшний день извлек из внутреннего кармана милицескую ксиву и помахал ею в воздухе.

– Капитан Никитин, – представился он. – Уголовный розыск.

После чего, недобро прищурясь, потребовал у юниоров предъявить удостоверения. Молодые люди занервничали, но выхода у них не было. Макс внимательно изучил фотографии на удостоверениях, сличая их с оригиналом, и со спокойной душой положил документы в карман. При ближайшем рассмотрении эти, с позволения сказать, удостоверения оказались настолько плохо сработаны, что у Макса даже мелькнула мысль, а не нарисованы ли они этими детьми собственноручно. Нет, не похоже... Скорее всего, мальцов просто кто-то надул.

«Ох и жулья развелось», – подумал Макс не без грусти.

– Ну что, в отдел пойдем! – известил он пацанов. – Пора вам на кичу, уважаемые.

Пассажиры, давно следившие за развитием событий, загомонили:

– Жулики! Это же жулики!..

– Вот паразиты! Сажать таких надо!..

– Они у меня штраф взяли! – послышался разъяренный вопль. – Пусть вернут!..

К средней двери протиснулся не вполне трезвый мужик в засаленном пиджаке и вознамерился дать одному из контролеров в ухо. Макс, продолжавший изображать мента, его попытку ловко пресек.

– Я же говорила, что документы поддельные, – проворковала спасенная барышня и ловкими пальчиками ласково погладила Макса по плечу. – Сажать таких надо. Правда, товарищ капитан?

Заскорузлый кулак обладателя засаленного пиджака проехался по скуле белокрысого.

– Отставить! – рявкнул отвлекшийся на девушку Макс. – А то сейчас с нами пойдете.

– Да вы чё? – промямлил белокрысый и веснушчатый. – Вы чё?

Испуган он был не на шутку. Мелкие бисеринки пота на лице и затравленный, бегающий взгляд белокрысого наглядно свидетельствовали, что он пребывает в том состоянии души, когда готов сделать все, что угодно, и заплатить сколько угодно, лишь бы отвязаться. «Да, – подумал Макс, – этот спорт не для слабых». Юниоров оставалось только дожать.

– А ну, на выход! – повысив голос, скомандовал он и подтолкнул фальшивых контролеров к дверям, да и автобус притормаживал у остановки.

Провожаемые мстительными улыбками пассажиров, они вышли, и Макс загнал покорное ему стадо в широкую щель между ларьками. Молодые люди выглядели бледно. Макс догадывался, как погано сейчас у них на душе.

– Ну так что? – спросил он. – Пойдем протокол составлять?

– Не надо, – проямлил белокрысый и веснушчатый. – Мы... больше не будем.
Макс фыркнул, едва сдерживая смех.

– В детском саду что ли?! – добавил он громко: шпану следовало прессовать без перерыва. – Тоже мне «больше не будем»! – передразнил Макс. – Ты знаешь, что за мошенничество и подделку документов можешь до десятки огрести? А ну, показывайте, сколько сегодня наворовали.

«Может, когда-нибудь и станут людьми, – думал Макс, наблюдая, с каким усердием юниоры выворачивают карманы, – но очень и очень нескоро. Честность – страшный порок, вылететь от которого стоит очень дорого».

Денег, собранных лжеконтролерами за утреннюю смену, хватило бы на месячную профессорскую зарплату. Забрав купюры и отвесив белокрысому крепкого леща, чтобы не пришлось в голову потребовать назад свои паленые корочки, Макс с чувством выполненного долга отошел к краю тротуара и поднял руку. Тачка причалила почти сразу. Оставив юниоров у ларьков горевать о потерянной выручке и делать выводы на будущее, Макс отбыл домой. На хлеб он сегодня заработал, и толкаться в общественном транспорте было уже ни к чему.

Глава вторая, в которой Макс Верецагин листает газету, вспоминает прошлое и думает о будущем

Жил Макс у «Электросилы», в доме, выходящем окнами на Московский проспект. Частник высадил его возле станции метро, и Макс прогулялся по торговым развалам. Накупив свежих продуктов и газет, он наконец добрался до своей малогабаритной квартиры.

Вывалив на сковородку резанные польские овощи из пакета, Макс уселся тут же на кухне и развернул первую газету. Политические и светские новости он всегда пропускал, здраво полагая, что их чтение не способствует пищеварению. Более всего Макса привлекали колонки бесплатных объявлений и частной коммерческой рекламы. Но и здесь были свои приоритеты. Например, разделы «Недвижимость» и «Автомобили» вызывали у Макса чисто теоретический интерес: пока это были не его масштабы. «Домашние животные» и «Оргтехника» не навевали сколько-нибудь конструктивных идей. Так же как и «Служба знакомств». Разумеется, кое-какие наработки по этим позициям имелись, но лишний раз пользоваться классическими, хотя и многократно обкатанными схемами Макс без особой нужды не хотел. По натуре он был изобретатель и предпочитал разрабатывать новые подходы, совершенствуя свое мастерство. Кроме того, Макс работал на перспективу, и тут газета могла многому научить. Рекламные колонки служили пристанищем для целого сонма прохиндеев. Читая очередное объявление из двадцати пяти слов, Макс каждый раз пытался представить, какая именно комбинация за этим стоит. Ну вот, например, набранное жирным шрифтом предложение некоего агентства, обещающего за весьма скромную плату поместить фотографию любого желающего в каталоги известных кинокомпаний: «Коламбия Пикчерз», «XX век Фокс», «Юниверсал». Это понятно и не слишком ново. А вот еще в том же духе. Некое Международное астрономическое общество готово за еще более скромную плату присвоить безымянной звезде гордое имя заказчика и снабдить клиента соответствующим дипломом. Макс не сомневался, что все это мошенничество чистой воды, потому что и сам был мошенником.

Мошенниками, как известно, не рождаются. Мошенниками становятся в силу сочетания ряда причин, каждая из которых сама по себе вряд ли способна толкнуть человека на этот зыбкий и порой очень опасный путь. Взять хотя бы врожденный артистизм, которым отличались все более-менее известные жулики. Разве не мог, к примеру, сын турецко-подданного Остап Бендер стать ведущим актером театра МХАТ, а Энди Таккер – конферансье на Бродвее? Почему нет? Но одного артистизма недостаточно; нужен толчок, воля судьбы, и от того, как лягут ее карты, зависит, кто станет мошенником, а кто – звездой эстрады. Для Макса таким толчком стала служба в армии.

Попав в печально известную учебку «Тула-50» (знаменитую вторым по величине после Красной площади плачем и гнусным сырым климатом), Макс быстро понял, что, если хочет здесь выжить и вернуться домой, следует позабыть иллюзии и комплексы и действовать напористо и нагло, извлекая максимальную выгоду из всего того, из чего только эту самую выгоду можно извлечь.

Подобная тактика себя оправдала хотя бы тем, что Макс без всякой протекции умудрился занять должность заместителя писаря-чертежника при

штабе второго батальона, в котором имел удовольствие служить. Сам писарь, родственник начштаба, постоянно ошивался в городке – «положено дедушке», и Макс жил, что кум королю. По армейским, понятное дело, меркам. Он строчил на машинке и тысячекратно переписывал алфавит, полируя почерк. Во взводе Макса не любили, но это его не сильно волновало. Он приходил в роту после отбоя и уходил после завтрака, сводя общение с сослуживцами к разумному минимуму.

На выпуск курса Макс собственноручно печатал списки распределения выпускников учебки по воинским частям, а поскольку составлявший их комбат, по своему обыкновению, полоскал мозги в плодово-ягодном, можно было без особого труда и опаски внести в эти списки кое-какие малозаметные коррективы. В результате трое самых отъявленных недоброжелателей Макса отправились загребать сапогами радиоактивную пыль Семипалатинска, а себя Макс приписал к команде, отъезжающей служить в Крым.

Выбор оказался более чем удачен. Небольшая воинская часть, расположенная в живописных горах на берегу Черного моря, занималась охраной ядерных боеголовок, а потому никаких иных задач, кроме несения караульной службы, на ее личный состав не возлагалось. Основной боевой единицей в части был батальон, включавший в себя две караульных, учебную и комендантскую роты. Батальон обеспечивали две автороты, рота связи и обладающее функциями стройбата подразделение, именуемое «отдельная инженерно-техническая рота». Все вместе это сборище военнслужащих называлось почетно – Соединением и было скрыто в ложине Кизилташ столь надежно, что забредавшие туристы принимали его за заповедник.

Помимо общепринятых мер по соблюдению маскировки и секретности, Соединение было основательно «залегендировано», даже форма в нем менялась каждые три-четыре года. Во времена Макса она была «морской»: личный состав носил синие робы, сапоги и черные морпеховские береты, а офицеры – флотские кителя и эмблемы морской авиации. Хотя уже тогда поговаривали, что в Соединении собираются ввести форму и знаки ВДВ, но до этих знаменательных событий Макс не дослужил.

Впрочем, все эти военно-бюрократические пертурбации мало интересовали Макса. Он искал личной выгоды, и только это его заботило. Действуя безотказными в армии хитростью и лестью, он сумел устроиться при штабе батальона на место демобилизовавшегося писаря-чертежника.

По правде сказать, ловкачей в армии не любят. А особенно не любят студентов, которым, благодаря известному указу министра обороны и путчиста Язова, удалось улизнуть от несения военной службы. Как будто в армию идут одни только дебилы! Понятно, что в остриженных головах возникает обида, в жилах закипает молодая горячая кровь, а в рабоче-крестьянское сердце проникает горькая ненависть, которую военнслужащие срывают на тех, кто послабее и поинтеллигентнее. Как правило, эти качества сочетаются, и обладателям их приходится несладко. Под влиянием коллектива из этих несчастных вытравливаются малейшие признаки интеллекта, они теряют способность к логическому мышлению, с какого-то момента начиная думать только на две темы: что бы сожрать и когда бы поспать.

Старшина комендантской роты прапорщик Бескудников тоже не любил умных и ловких, поэтому Макс от него доставалось по полной программе. Первый год Макс терпел измывательства, хотя с каждым днем это становилось

все труднее. Доходило до того, что Макс считал за благо задержаться допоздна в штабе. Однако на второй год чистая, как свежий снег, ненависть к угнетателю стала переходить в новое качество. Артистизм, природная смекалка и наблюдательность трансформировались за истекший период в жестокую изворотливость, способную если не гору свернуть, то хотя бы подточить ее так, чтобы она рухнула под собственной тяжестью. Свой план Макс обдумывал долго. Риска в коварном замысле было немало, но и терпеть дольше Макс не мог.

Бить морду Бескудникову, которого за глаза все называли попросту Паскудой, Макс считал ниже своего достоинства. Поэтому решил «опустить» ненавистного старшину исподволь и поэтапно.

Подходящий момент представился очень скоро. Как-то раз Макс, спасаясь от придирок полковника Гриднева, год назад занявшего должность главного инженера Соединения и еще не успевшего насытиться беспредельной властью над матросами срочной службы, решил укрыться в отделении войсковой почты и через несколько минут уже стучался в дверь с красной табличкой «Почта в/ч 62047».

– Кто там? – послышался ленивый голос.

– Свои.

– Свои дома сидят, телевизор смотрят, – спокойно ответствовали из-за двери.

– Это я, Макс.

– А-а... – Замок клацнул. – Заходи.

Почтовое отделение выглядело, как помещение-гребенка: три небольшие комнаты, сбоку соединенные коридором. Первая, уставленная стеллажами для посылок, собственно, и была комнатой почтальона. Вторая, в которой стоял канцелярский стол, а при нем – сейф, служила «офисом» начальника связи и сигнализации батальона. Третья комната была отведена под склад радиостанций, там за дверью из металлической сетки хранились рации, полевые телефоны, коммутаторы, кабели и разнообразные приборы, используемые для охраны периметра и объектов.

Заместитель командира линейно-эксплуатационного взвода связи временно исполнял обязанности начальника СС и всем вышеописанным хозяйством владел вполне официально. Звали заместителя Юрий, и родом он был из Питера, как и Макс. Общих знакомых по гражданке они, вспоминая прошлое за трехлитровой банкой вина, не выявили, зато были одного призыва, а это, как известно, объединяет получше старых знакомств. Линейно-эксплуатационный взвод связи был слишком теплым местом, чтобы в нем надолго задерживались офицеры. Субтропический климат Крыма плюс обилие свободного времени заставляли свежеиспеченного командира взвода забыть о служебных делах и быстренько прививали любовь к вольной жизни. С первой же полочки офицер покупал подержанный мотоцикл, на котором укатывал в Судак после утреннего построения. Через месяц семейных скандалов следовал развод, и вскоре образумившийся начальник СС увольнялся из рядов Вооруженных сил, чтобы заняться коммерцией в крупном городе. Поэтому должность начсвязи и сигнализации постоянно оставалась вакантной. Все обязанности давно тянул на себе Юра, проводивший на гражданку трех командиров. Впрочем, он от этого сильно не страдал. Четырнадцать человек личного состава, а также находящиеся в его ведении

мастерская, аккумуляторная и бункер на технической территории вкупе с почтово-складским комплексом делали жизнь Юры льготной настолько, насколько это вообще возможно на срочной службе в армии. Ссылка на постоянную и чрезмерную занятость позволяла располагать массой свободного времени, что окончательно сформировало у Юры рассудительно-философский взгляд на мир и ровное, спокойное отношение ко всему происходящему. Лычки старшего сержанта он получил на тринадцатый месяц службы, в отпуск домой уже съездил и теперь тихо-мирно ждал дембеля, проводя дни в чтении газет и журналов.

В настоящий момент он занимался одновременно тремя вещами: слушал «Гражданскую оборону», читал «Науку и религию» и вкушал красную икру из литровой банки, зачерпывая ее большой мельхиоровой вилкой.

– Хочешь икры? – спросил Юра у Макса. – Знаешь, я тут заметил, что Кастанеда навевает на меня депрессию. Читаю тут, – он ткнул пальцем в раскрытый журнал, – окончание «Путешествия в Икклстан». Крыша едет напроць...

– В Икклстан, – поправил Макс, принимая вилку и банку с икрой.

– Ну, может быть. – Юра пожал плечами.

В этом году Соединение выписывало двенадцать наименований журналов и еще столько же газет, так что чтива Юре хватало.

– А булки у тебя нет? – спросил Макс: долго есть соленую икру, ничем не закусывая, он не мог.

– Не-а, – мотнул головой Юра. – Как-то не собрался никого за ней послать. Да ну ее в пень, у меня икра и так хорошо идет. Правда, надоела уже.

– Откуда взял-то столько?

– Молодому из автороты прислали. Я сказал, что тухлая.

По долгу службы Юра контролировал выдачу посылок на предмет испорченных продуктов и незаконных вложений. Для конфиската имелась фальшивая мусорная корзина, которую почтальон регулярно выстилал чистой бумагой.

Тут Егор Летов запел «Русское поле экспериментов», и на тринадцать с половиной минут всяческий обмен мнениями между земляками прекратился. Когда композиция закончилась, Юра потянулся и вздохнул.

– Мда... «Вечность пахнет нефтью», – процитировал он слова Летова. – Как это верно. Впервые это заметил Бодлер, вдохнувший критическую дозу эфира...

Макс понял, что момент настал и пора переходить к делу.

– Слушай, – сказал он, – Бескудников, по-моему, совсем оборзел.

– Возможно, – не стал спорить Юра.

Зарвавшегося старшину, конечно, следовало бы проучить, вот только методы, к которым обычно в таких случаях прибегал Юра, не отличались изяществом. В свое время его изобретательности хватило только на то, чтобы подложить перед разводом в кобуру ротного замполита кусочек кала. Как потом матерился гнусный старлей, ковыряя шомполом в туалете штаба свой несчастный ПМ!

Однако Макс знал, что, если идея покажется Юре действительно хорошей, он ее поддержит и поучаствует в затее. Так и получилось. Стоило Максиму изложить свой план, как Юра заметно оживился.

– Давай, – просто сказал он.

– А Колян здесь? – сразу же спросил Макс.

Коляном именовался гражданский связист, убивавший время на расположенной за стенкой АТС. Коля был простецким парнем, некогда отслужившим в Соединении, но после армии женившимся и осевшим тут же, в административно-жилом городке. Максусу доводилось с ним пару раз выпивать, и он имел возможность убедиться, что Колян – свой человек. Поэтому Макс и решил взять его в дело.

– Вроде не уходил. – Юра привык определять по звуку шагов, кто из гражданских коллег-связистов находится на рабочем месте.

– Вина бы купить, – сказал Макс, – а у меня деньги кончились. Такое дело с Коляном надо под кир обговаривать.

– Что да, то да, – согласился Юра и тяжело вздохнул, принимая на себя мучительное бремя активного действия.

Он снял телефонную трубку и набрал номер роты, находящейся двумя этажами выше.

– Але! Дневальный? Из ЛЭВСа есть кто-нибудь? Позови... Странно, – повернулся он к Максусу, – вроде бы всех в мастерскую отправил, так ведь нет, не живется спокойно людям... Гальчин! – рявкнул он в трубку после естественной паузы. – Хрена ты в роте делаешь?.. Я где сказал быть? Приключений на свою задницу ищешь, Шварценеггер засушенный?! Старшина в роте?.. Нет?.. Ну ладно, гусина позорный, по такому случаю будешь строго наказан. Спускайся сюда...

Гусями, государственными уставными солдатами, в Соединении назывались служащие первого полугодия. Это было также самым расхожим оскорблением. Леа Гальчин, родом из подмосковной деревеньки, оттрубил год и считал, что уже имеет право расходовать нерастраченные на почтарской работе силы в спортивном уголке.

– Лэвсникам в роте делать нечего, – внушал Юра через пять минут взъерошенному и мокрому почтальону. – Забыл, что у нас всегда дел неупророт? Если я сказал сидеть в мастерской, то и сидите. Паскуда, если увидит, что ты в спортуголке качаешься, решит, что у тебя много свободного времени. Тебе в наряд по кухне захотелось?

Гальчин понуро внимал.

– Как дети, блин! – подытожил замкомвзвода с печалью, бережно оглаживая пачку журналов. – В общем, так, Гальчин, за свое нежелание понимать элементарные вещи ты будешь наказан работой, – озвучил приговор Юра, остро ненавидевший любой физический труд. – Отнеси в караул канистру, пусть ночью бензина наберут. Потом зайди к этому... бутлегеру косорылому и попроси вина, как обычно. Скажи, что утром бензин принесем. Короче, договорись.

– Он может не дать, – заканючил Гальчин.

– Да куда он денется! – Юра и сам не был уверен в успехе предприятия, но рассчитывал, что поставщик вина вряд ли откажет постоянному клиенту.

Домашнее вино, изготовляемое большой татарской семьей, превосходно шло в обмен на бензин, который добывали лэвсники на складе горючесмазочных материалов. Огромные цистерны, стоящие под открытым небом, имели многослойные стенки и охлаждались под палящим южным солнцем путем испарения бензина, стекавшего затем во внешние полости. Каждая цистерна имела небольшой краник для слива конденсата, а

разводящий, вместе с которым на караульной машине приезжали доблестные воины-связисты, всегда был готов за пару сигарет закрыть глаза на маленькое хищение, тем более, что потери конденсата были предусмотрены хитрыми техническими инструкциями.

Несмотря на опасения почтальона, через полчаса в комнате замкомвзвода уже вовсю пьянствовали. Семейный Колян принес бутерброды, и дорвавшийся до булки Макс сумел по-настоящему насладиться красной икрой, по ходу дела излагая Коляну свой план по воспитанию Паскуды.

– Можно попробовать, – прикинул Колян, когда с ходу врубившийся в тему Юра досконально разжевал ему, что к чему.

О подлых выходках старшины третьей роты в части знали все, и сердобольные гражданские связисты вполне искренне сочувствовали угнетаемым «морякам». Колян еще не забыл подробностей своей службы в армии, да и само дело обещало быть прибыльным: в планы Макса входило потрепать не только бескудниковские нервы, но и карман.

Той же ночью, пока был крепок еще боевой дух, компаньоны совершили невиданное доселе в здешних местах ограбление. Они вскрыли склад НЗ, находящийся на технической территории.

Склад состоял из четырех вагончиков на колесах, окруженных железными рамами со стенами из сетки-рабицы и шиферной крышей. Между крышей и верхней балкой стены строители зачем-то оставили проем – достаточно широкий, чтобы в него мог пролезть человек. Видимо, предполагалось, что близкое соседство с караульным помещением обезопасит это сооружение от любых воров. А беречь в принципе было что. Этот склад, оснащенный на случай войны всем необходимым для поддержания жизни личного состава в полевых условиях, был лакомым кусочком, и приходится только удивляться, почему до Макса с Юрой никто на него не покусился. Самый же примечательный нюанс заключался в том, что именно из-за близости к караульному помещению часовые меньше всего обращали внимание на склад НЗ. Всякий раз, выходя на смену, разводящий второго поста был обязан проверить сохранность печати на воротах, что и делал не чаще раза в месяц. Нелепое сооружение давно превратилось в деталь пейзажа, и Юра, который сам нередко заступал в караул со своими подчиненными помощником начкара по связи, прекрасно об этом знал. Поэтому акт хищения был совершен быстро и без каких-либо проблем.

К периодическим отлучкам штабного писаря и командира ЛЭВСа из роты после отбоя давно уже все привыкли, поэтому где-то между половиной первого и половиной второго Макс и Юра незаметно вскрыли все четыре вагона, вынесли толстые тюки, набитые тельняшками и камуфляжем, и рассовали по тайникам на технической территории. С пятидесятых годов там возводились все новые и новые линии обороны, и блиндажи порой уходили под землю на глубину в два-три яруса. В этом искусственном лабиринте мог сломать ногу любой особист, но Юра, по долгу службы излазивший техзону вдоль и поперек, знал его как свои пять пальцев. Здесь он был полновластным хозяином, и Макс счел за лучшее целиком довериться ему.

Через пару дней после дерзкого налета на склад НЗ к Бескудникову подошел техник АТС и предложил купить партию настоящих морских тельняшек, только что поступивших в магазин военторга. Тут надо заметить, что последние два года Соединение, залегендированное под подразделение

морской пехоты, получало исключительно речные тельняшки – в узкую черную полоску, а это в значительной степени оскорбляло достоинство служивших там «моряков». Такое положение вещей особенно бесило тех, кому пришла пора демобилизоваться, и Бескудников быстро смекнул, что на этом можно недурно навариться. Сторговались по два рубля за штуку (в те времена хлопчатобумажная тельняшка с рукавами улетала в розницу по пятерке), и старшина только облизнулся в предвкушении сверхприбыли. Взял он всю партию – две сотни штук. Больше, как сообщил ему техник АТС (которым был, конечно же, Колян, подготовленный компаньонами), не получается: все остальные тельняшки якобы распределены завмагом еще до поступления в магазин.

Деньги, полученные от Паскуды, компаньоны поделили по-братски: по сотне взяли себе и двести передали Коляну – тому еще предстояло участвовать в игре. К тому же шмотки должны были так или иначе вернуться сержантам, поэтому техника решили подкормить.

Следующим этапом грандиозной аферы стало предложение заглотившему наживку старшине приобрести маскировочные костюмы КЗС. Эти легкие накидки, состоящие из сетчатых штанов и куртки, расписанных в защитные цвета, предназначались для надевания поверх одежды и почему-то считались мечтой любого рыбака или охотника. Сорок таких костюмов по семь рублей за комплект Бескудников отхватил, не спрашивая, откуда они взялись. Покупки он пока складировал в одной из комнат общежития, намереваясь в самое ближайшее время переслать в родной Бишкек.

К тому моменту друзья уже начали беспокоиться. С момента ограбления минуло пять дней, а украденных вещей никто не хватился. В таком деле, конечно, необходимо иметь фору по времени, но, если тревогу так и не поднимут, получится, что компаньоны не наказали, а только обогатили ненавистного старшину, что никак в планы Макса не входило. Поэтому, посоветовавшись, друзья решили форсировать процесс выявления хищения.

На следующий день Юра заступил в караул и, уловив момент, сорвал печать с ворот склада НЗ. В шесть вечера, при смене караула, наличие печати было проверено дотошным принимающим, и началась такая кутерьма, что ЛЭВСовский замкомвзвод был просто счастлив, когда наконец смог вернуться в роту и сдать оружие.

Слухи об ограблении склада НЗ разнеслись по части с потрясающей быстротой. Начавший подозревать недоброе Бескудников едва не наложил в штаны, когда его отловил в укромном уголке давешний техник АТС и трагическим шепотом сбивчиво попросил:

– Слышь, Серега, тебя если будут спрашивать, откуда все эти тельники и прочее, ты не говори, что это я тебе их продал, ладно?

– А... чего? – мгновенно севшим голосом спросил прапорщик, слабым движением пытаясь освободиться от вцепившегося в его локоть связиста.

– Такое дело! – Колян сделал страшные глаза. – Я сам не знал, откуда шмотье! Тут, понимаешь, директор военторга замешан. Так что ты молчи! Он тельники в продажу выкинуть не успел, поэтому будет отмазываться всеми силами.

При упоминании главы местной торговой мафии прапорщик почувствовал, что слабеет в коленках. Директор военторга давно заработал такую устрашающую репутацию, которая не снилась и дону Корлеоне.

Выступать в качестве главного свидетеля в процессе против крымской Коза Ностры старшина, разумеется, не рискнул. От греха подальше он вынес ночью тельники и КЗСы на техзону и надежно спрятал в старом бункере. На них Юра наткнулся в первый же день поисков. Поведение трусоватого «куска» было абсолютно предсказуемым. Так же как, в дальнейшем, многих и многих других людей...

Овощи дожарились, а Макс подобрался к своему любимому разделу во всякой газете – колонке бесплатных объявлений. Рекламная газета была дойной коровой, не раз выручавшей Макса. Помимо заработка, она снабжала полезной информацией и давала пищу для размышлений. Из объявлений коллег-шарлатанов, всевозможных коллекционеров визитных карточек и динамчиков, берущих товар на реализацию с отсрочкой платежа, можно было почерпнуть немало ценных соображений. Кроме того, иногда встречались изумительные перлы.

«Качество, проверенное временем! Аэрогрили, газовые печи из Германии. ООО „Окончательное решение“. Решите свой вопрос!»

«Одежда из натуральной кожи. Репутация немецкого качества! Салон-ателье „Эльза Кох“. Пошив одежды из кожи заказчика».

«ГП-25, б/у, отдам в хорошие руки. Спросить Шамиля».

«Железные объятия сожмут трепещущее тело! Электронные мышеловки „Рэт Баттлер“ фирмы Scarlett».

«Бальзам „Святой крепкий“, опт, мелкий опт».

Или вот простенько и со вкусом: «Ликвидирую! Цены умеренные».

Но это все лирика, а пора и зарабатывать на хлеб насущный. Желательно с маслом и икрой.

Глаз скользил по колонкам, разделам, наткался на цветные вставки. Ярко-красное объявление начиналось мощным словом «ВРЕЖУ». Читая его, следовало рассчитывать на услуги стекольщика, но при желании можно было подыскать недорогого и хренового телохранителя. Рядом почти на четверть газетной полосы размещался скромный блок оператора сотовой связи: «Мобил Дик – кит среди телефонов!». Уплетая горячие овощи, Макс пробежал глазами предложения работы. Предложения были разные, выбирай на вкус.

«Офису срочно необходима хозяйка. Девушка до 25 лет без претензий. Оплата сделная».

«Хозяйка офиса. Женщина от 45 лет».

«Секретарь. Мужчина 20–25 лет. Обязательно: владение языком, знание п/к».

«Оператор ПК. Обязательно: уверенное владение ПК/ПКМ, ПКТ. Опыт работы приветствуется».

«Требуется сиделка для ухода за больным».

Макс доел и пошел ставить чайник. Объявление об уходе за больным почему-то не шло из головы. Зацепило, что называется. Вакансия сиделки обещала при обдуманном подходе новые впечатления и немалую прибыль. Он снял трубку, потыкал клавиши телефона.

– Здравствуйте, – глуховатым тоном отчаявшегося безработного произнес он. – Я звоню по объявлению. Вам требуется сиделка? У меня медицинское образование. Окончил медучилище, в армии служил фельдшером. Да-да, есть диплом массажиста...

Макс не врал. Он действительно служил в армии и у него были все документы, какие только пожелает душа заказчика. Однако думать, что он является тем, кем представляется по телефону, оказалось бы большим заблуждением. Макс был гидом по стране заблуждений. За умеренную цену он мог устраивать экскурсии как для групп, так и для одиночных клиентов. Присутствие зрителей его не смущало. Макс любил риск. Он умел импровизировать и играл, как актер, вдохновляясь присутствием публики.

Из бутафории для готовящегося спектакля имелся когда-то выписанный самому себе диплом массажиста. Почерк у Макса был каллиграфический, писарский.

Глава третья, в которой мимолетное знакомство становится началом доброй и долгой дружбы

– Здравствуйте, – сказала Майя. – Я вам звонила.

– Привет вам, – холодно и осторожно поздоровался инфантильный мужчина лет тридцати либо просто молодо выглядевший. – Проходите. Раздевайтесь тут.

Майя скинула плащ, туфельки и робко проследовала по коридору, сопровождаемая странным мужчиной. Двигался он бесшумно, настороженно постреливая по сторонам глазами, и ноздри у него раздувались хищно, как у вампира.

В комнате, обставленной антикварной мебелью, восседала дородная матрона в потрепанном парчовом платье. Ее огромное тело занимало большую часть дивана, мягкого, атласного, с резными ручками красного дерева. Пухлые, мучнистого оттенка пальцы, унизанные дутыми золотыми кольцами, нетерпеливо барабанили по ним.

– Здравствуйте, – робко повторила Майя.

– Здравствуй, милочка, – язвительно отозвалась женщина. – Значит, будешь работать у нас. Владик, поприсутствуй.

Настороженный мужчина безмолвно опустился в глубокое кресло.

– Объясняю условия работы, – по-военному четко поставила задачу дама. – Вы дежурите с двадцати одного часа до девяти утра, пять дней в неделю. В ваши обязанности входит сидеть с папой, не отвлекаясь. Когда он заговорит, вы должны включить магнитофон и быстро записывать в блокнот все, что он скажет. Поясняю: папа очень мало говорит, а для нас важно каждое его слово. Блокнот необходим на случай отказа магнитофона или дефекта пленки, такое тоже может случиться. Во всем остальном ваши функции не превышают обычного ухода за лежащим больным. Кормить, менять простыни. Массажист у нас есть. Платить будем десять долларов за смену.

– Я согласна, – поспешно сказала Майя.

– Ну и хорошо. – Колыхаясь телом, матрона тяжело поднялась. – Пойдем посмотрим папу.

Из гостиной они прошли в столовую, Владик предупредительно распахнул завешенную портьерой дверь в небольшой кабинет. У Майи перехватило дыхание. В нос ударило амбре, состоящее из смеси спертого воздуха и смрада выделений, – комната не проветривалась годами. Лежащий на кровати старик напоминал истаявшую восковую куклу, лицо было гладким, вероятно, недавно брили. Сидевший у изголовья человек опустил книгу и встал.

– Все в порядке, Надежда Викторовна, – доложил он. – Ничего не говорил, пульс ровный, дышит свободно.

Он привирал: дышать здесь свободно можно было только в противогазе. Человек показался Майе знакомым, да и он ее узнал; на лице отразилась сложная гамма чувств – от легкой растерянности до плохо скрываемой досады и даже страха.

– Хорошо, – просипела матрона, у которой возникла одышка. – Вы тут не курили?

– Что вы! – человек бледно улыбнулся. – Я ведь не курю.

– Ну ладно, ладно, – удовлетворенно кивнула дама. – Вот эта девочка будет вас подменять на ночь. Ознакомьте ее со всем.

Она поспешила выйти, и Владик плавно закрыл за собою дверь.

– Здравствуйте, капитан Никитин, – ехидно сказала Майя.

– Тс-с! – Макс сделал страшные глаза и указал на вход. Он был знаком с порядками, царившими в этом странном доме. Подскочив к Майе, крепко схватил за руку и зашипел: – Какого черта ты тут делаешь?

– А что ты здесь делаешь? – прошептала в ответ Майя, нетерпеливо дернув плечом. – Операцию секретную проводишь? Тоже мне, «уголовный розыск»!

– Я, может быть, тут работаю.

– За десять долларов в день? – мгновенно раскусила Майя нового знакомого с шельмовскими глазами.

– Ты что, все испортить хочешь? – Макс уже понял, что перед ним такая же продувная бестия, как он сам. А если два таких ловкача оказываются в одно и то же время в одном и том же месте с одними и теми же целями – это судьба, а значит, таиться не имеет смысла.

– Что ты у меня вечно под ногами вертишься? – возмущенно шепнула Майя. – По твоей вине, между прочим, у меня сумочку подрезали.

Макс вспомнил примазавшегося в автобусе парня.

– А, этот дон жуан твой нерешительный? – съязвил он.

– А ты, тоже мне, Джакомо Казанова! – хмыкнула Майя. – Ты-то зачем на рожон полез?

– Конкуренция.

– Таких лохов увел, – закручинилась Майя. – Я, может быть, нарочно весь этот спектакль разыграла. А ты, признайся, ведь сначала заступаться стал?

– Ну, было дело, – смутился Макс, пойманный на проявлении нежных чувств. – Зато в конце концов отбрил юниоров как Фигаро!

– И меня без куска хлеба оставил, – сокрушенно вздохнула Майя. – А я ведь девушка бедная, да еще последние деньги украли. Может быть, я в тот день голодной осталась.

– Не так громко, – напомнил Макс.

– А что такое?

Вместо ответа Макс тихохонько подкрался к двери и распахнул. Владик успел увернуться, но был застигнут в предосудительной позе обронившего метелку лакея.

– Я в туалет, – виноватым тоном попросился Макс. – Вы не возражаете, если она пока поглядит?

Разве Владик теперь мог отказать?

Покуда новый знакомый поливал каменный цветок, Майя осмотрелась в комнате. Несомненно, раньше это был кабинет хозяина. Письменный стол и большой книжный шкаф указывали на это. В интерьер не вписывалась только кровать, которую установили, чтобы «папа» не напрягал своим присутствием в спальне. За расширение жизненного пространства странная семейка расплатилась созданием мертвецкой, в которой благоухал загадочный полутруп. Старик давно находился в коме – в источаемых немывтым телом миазмах можно было купаться. Вдобавок ко всему, кабинет не проветривался, даже окна были наглухо завешены плотными шторами. Семья тщательно что-то скрывала, но что? Знать секрет мог «капитан Никитин», внешне отдаленно напоминавший как мента, так и младший медперсонал больницы. Аккуратная уставная стрижка производила должное впечатление, а лицо, на котором уже успело проступить клеймо прожженного афериста, фальшивый медбрат делал нарочито усталым и безразличным. Человек неопытный мог не разобрать, с кем имеет дело. Но не Майя. Она сразу поняла, что «капитан Никитин» окопался здесь неспроста. Интересы в отношении семейки у них были схожие, и Майя даже готова была войти с ним в долю. Лучше поделиться, чем нажать конкурента. Вражда на деловом поприще способна только испортить запланированное. В результате никто ничего не получит.

Когда Макс вернулся, она уже была готова к переговорам.

– Давай знакомиться, раз уж работаем вместе. Меня зовут Майя.

– А меня – Макс.

– Ты и в самом деле Никитин?

– А ты в самом деле Майя?

– Клянусь, так родители назвали, – усмехнулась она. – Хочешь, диплом покажу?

По выражению лица коллеги Майя поняла, что тот и сам неплохо рисует.

– Придется поверить, – согласился Макс.

Фамилий у него было гораздо больше, чем имен.

Объяснялось это просто: человек легко отзывается на привычное имя, а вот если не может заучить новое, то ему угрожает опасность оказаться в двусмысленном положении с неприятными и нередко непоправимыми последствиями. С фамилиями затруднений меньше, ведь называют людей чаще по именам. Майя же – имя редкое, и на нем запросто можно проколоться. Такое сам себе не выберешь. И Макс поверил.

– Ты объясни, зачем нужна эта дребедень? – кивнула Майя на магнитофон и блокнот, лежащие на столе у постели больного.

– Вроде как традиция... – погнал пургу Макс, но сорваться с крючка ему не дали.

В ранний час кафе «На Лиговском» пустовало. Макс выбрал столик у окна, подальше от чужих ушей. Уши принадлежали троице молодых коммерсантов, перетиравших за свои дела на нейтральной полосе случайной забегаловки. Других посетителей в зале не было. Под настроенным взглядом тетки за стойкой бара Макс потягивал кофе, ожидая подругу. Измотанная после ночной смены Майя появилась в дверях и безошибочно устремилась сразу к нему, даже вроде бы не оглядевшись.

– Кофе будешь? – разгуляться с десяти честно заработанных долларов было нелегко, и угостить барышню чем-то более приличным Макс затруднялся.

– А посущественнее можно?

Макс кисло улыбнулся. Он и так оставался без зарплаты – сегодня был выходной, когда старца опекала любящая родня.

– Понятно. – Уставшая Майя не отвлекалась на вежливые паузы и раскрыла сумочку. – На вот, добавь поденную оплату сестры-сиделки, может, на что наберется.

Набралось на порцию картошки и две рюмки «Амаретто» краковского разлива, заказанного Максом из ностальгии по славной эпохе начала девяностых, когда в карманах не переводились деньги, а в голове был ветер. Нынче с наличными ощущался напряг. Бдение над летаргическим стариком не оставляло времени для работы и вынуждало жить по средствам.

– Грохнуть башкой, – заявила девушка, попутно стрельнув глазками в сторону отошедшего к стойке коммерсанта. – Находятся же люди, которых это устраивает!

– Ну, мы же нашли, – философски рассудил Макс, прихлебывая из чашки. – А вообще, вакансии на подобного рода места всегда есть.

– Если бы им, мой дорогой, – нежно промурлыкала Майя, – хоть раз попались такие, как мы, они бы уже давно пошли по миру. Только не говори, что тебе не представилась возможность их пощипать. Я же вижу, тебя там что-то удерживает.

Затея, намеченная Максом как банальная квартирная кража, на стадии глубокой проработки совершила непредсказуемый оборот, вынудив и дальше терпеть вонь за мизерную плату. Летаргический старик оказался бывшим главным инженером Соединения полковником Гриневым! Кроме его жены, Надежды Викторовны, в квартире проживал старший сын Владилен и тридцати трехлетняя дочь Жанна. Владик работал юристом и страдал паранойей. Затурканная бледненькая Жанна училась в институте, получая никчемное второе высшее образование. Благодаря отвратительному характеру Надежды Викторовны в доме царила атмосфера подавленности и необъяснимого страха. Свою лепту вносил Владик, подслушивая у дверей и

совершенно внезапно возникая из темных углов. Однажды ночью это произвело неизгладимое впечатление на Макса. С тех пор он стал всерьез считать, что Владик является хорошо замаскированным вампиром.

Командорские замашки мамы и патологические повадки братца заставляли Жанну подолгу задерживаться у подруг, что жестоко преследовалось Надеждой Викторовной и делало жизнь невыносимой. Воспитанная покорным ребенком, Жанна совсем отчаялась найти жениха, когда судьба подкинула царский подарок в лице обаятельного и чуткого медбрата. То, что за этим последовало, до поры до времени удавалось скрыть от ревнивого взгляда Надежды Викторовны – выросшая в условиях тотального контроля Жанна стала неплохим конспиратором. Тогда-то Макс и узнал одну любопытную историю, заставившую его продолжить медицинскую практику.

На службе в солнечном Крыму досуг полковника Гриднева был посвящен довольно экзотическому увлечению. Он собирал истории о драгоценном кладе вин, по слухам, захороненных в горах где-то неподалеку от Соединения. В 1941 году, перед оккупацией, из Массандры была эвакуирована часть энотеки – уникальной коллекции старинных вин знаменитого завода. Помимо собственной продукции, в погребах Массандры имелись разные другие образцы, например «Херес де ла Фронтера» разлива 1775 года, и много всяких прочих. Бесценное собрание по частям вывезли в Ташкент, но все забрать не успели. Одну партию группа из двадцати четырех человек под командованием генерала Ардашова спрятала вблизи монастыря Св. Стефана Сурожского, на территории которого находился партизанский лагерь. Позднее в лощине военные строители 12-го Главного управления Министерства обороны выдолбили скальные хранилища, а на месте монастырского сада разбили футбольное поле и спортивный городок. При сооружении воинской части коллекцию не нашли. Война замела все следы секретной операции. Отряд Ардашова, отрезанный немцами от Большой земли, примкнул к партизанам и был уничтожен. Ни один из тех, кто прятал энотеку, не остался в живых, как это частенько случается с теми, кто клады закапывает. Вместе с ними сгинули документы.

Почти пять лет главный инженер Соединения выбирал крупинки информации, словно мозаику, складывая картину происшедшего. Во многом способствовала должность, позволяющая задействовать данные геодезической разведки, произведенной при строительстве части. Да и аналитиком полковник был неплохим. Так возникла карта, на которой он отметил предполагаемое местонахождение хранилища, полость в осадочных породах естественного происхождения, пещеру или грот. Организовать поиски Гриднев не успел. Случился инсульт, и его, потерявшего признаки разумной жизни, доставили в Санкт-Петербург. Здесь у Надежды Викторовны была доставшаяся от родителей роскошная четырехкомнатная квартира. Карту же не нашли. Главный инженер ее старательно прятал, опасаясь то ли сослуживцев, то ли своих родных: крыша у семейки ехала уже тогда. Тем не менее шанс оставался. Хоть редко, да возвращалось к старику сознание. Правда, ненадолго. Поэтому и были снабжены магнитофоном нанимаемые сиделки – Владик истово верил, что Бог рано или поздно вразумит отца.

– Занятно, – заключила Майя. Она с интересом уставилась на Макса, скрестив пальцы под подбородком. Женская интуиция подсказывала, что он не врет. – А почему они так уверены, что коллекция цела, вдруг все вино давно партизаны выпили?

– Старинные вина, – назидательным тоном произнес Макс, – это валютный резерв Советского Союза. За его утрату, особенно по причине халатности командования и разгильдяйства личного состава, всем причастным к распитию спиртных напитков зададут такого дрозда, что небо с овчинку покажется. Это же при Сталине было! Вот почему я уверен, что вина бережно спрятали и они в целости и сохранности ждут нашего с тобой визита.

– И долго ты собираешься ждать у моря погоды?

– Пока не клюнет.

– А если не в твою смену?

– Я все равно об этом узнаю, – цинично заявил Макс, не жалея бедную Жанну. – И если Владик отправится позагорать, незаметно составлю ему компанию.

– А если это не произойдет никогда?

– Никогда не говори «никогда».

Майя не собиралась долго терпеть отвратительный смрад, невзирая на заманчивые перспективы. В этом дурдоме самой сдвинуться было проще простого. Конечно, можно прямо завтра обнести шизоидную семейку и оставить Макса продолжать бескорыстный труд наследника Гиппократы...

– Одно плохо – промысел забросил, – посетовал Макс, выведя подругу из состояния глубокой задумчивости о судьбе имущества Гриневых. – На десять долларов жить...

– Ну так крутись, кто тебе мешает? – Майя размяла пальчики, наблюдая за коммерсантами. От их столика отделился все тот же молодой человек в костюме попроще и опять направился к стойке. – Вот смотри.

Она выгребла из сумочки завалявшуюся там мелочь и встала в очередь за молодым человеком. Коммерсант расплатился, убрал портмоне и, разворачиваясь, нечаянно столкнулся с Майей. Та ойкнула, по полу разлетелись выроненные купюры и монетки.

Коммерсант извинился и унес рюмки с бренди к своему столику. Майя купила бокал вина, вернулась к Максиму.

– Слон неуклюжий, – пожаловалась она. – Все ноги отдал. Сразу видно, что его танцевать не учили.

– Что, уже? – сдуру любопытствовал Макс.

– И вино тут дрянь. Ладно, пошли отсюда, пока он за добавкой не отправился, – кинула она под стол пустой бумажник, аккуратно прижала туфелькой и незаметно задвинула под батарею. – Пойдем, милый, в более шикарное заведение, я тебя угощу.

Несмотря на неброский костюмчик, денег у Раздолбая Ивановича с лихвой хватило бы на пяток приличных обедов. Они поймали тачку и отъехали подальше, в уютное кафе на Суворовском проспекте. Оттуда Макс вышел порядком на бровях.

– Я твои пальчики до умоисступления целовать готов, – признался Макс, безуспешно пробуя поймать объект вожделения.

– Какой ты быстрый, – расхохоталась не упускающая нужной цели Майя. – Эту награду надо еще заслужить.

– Что может предложить не обремененный богатством синий рыцарь состоятельной даме сердца, кроме повторения двенадцати подвигов Геракла?

– Ну-у, – кокетливо протянула Майя, – если прекрасный рыцарь пригласит бедную девушку в свой замок, то она, вероятно, не сможет ответить ему отказом.

– Заметано, – обрадовался Макс, махая такси. – Тпру, тачка, тпру!

Не прошло и получаса, как рыцарь снулого и печального образа был водворен на любимый диван-кровать, а дама сердца, оценив холостяцкую обитель, покинула ее со спокойной душой.

Ближе к вечеру Макс проснулся с больной головой, вспомнил, как сюда добирался, и с тягучим стоном обхватил трещащую бестолковку. Впервые в жизни он чувствовал себя столь уязвленным. Квартиру Макс не засвечивал никому, что на его суетной работе помогало уберечься от тюрьмы. Теперь это святое правило было нарушено.

Одно утешало – проверка коллеги на профпригодность выявила иногда встречаемые у начинающих крепкие деловые навыки. Хватка Майи соответствовала цепкости медвежьего капкана. Попав в ее сети, вырваться было непросто. С такой гораздо безопаснее дружить. И дружить крепко.

Глава четвертая, в которой оживший старик понуждает к хлопотам и сборам в дорогу

С новой своей подругой Макс встретился в понедельник вечером.

– Как прошли выходные? – невинным тоном поинтересовалась Майя.

Выходные прошли в мучительных раздумьях. Поначалу Макс даже решил оставить затею с главным инженером, затем похмельный опасок миновал, и голова заработала четче. В воскресенье, когда холодильник показал пустые полки, стало ясно, что десять долларов тоже хлеб. Похоже, Макс начал привыкать к постоянной работе. Он даже не задумывался срубить бабок прежним способом. Регулярная мизерная зарплата, несомненно, являлась лучшим деморализующим фактором. Верещагин понял, что с благотворительностью пора кончать. Появление в его жизни столь необычной девушки было знаком свыше.

Сейчас Максу показалось, что она видит его насквозь.

– Выходные прошли, и наступили трудовые будни, – не без сарказма ответил он.

– Тебе это место, наверное, очень нравится, – снисходительно заметила Майя.

– Наверное, – не стал спорить Макс.

Он чувствовал что-то общее с этой барышней. Нечто, лежащее в глубине характера, чего не отнять у человека никогда. Некое деструктивное начало, свойство, побуждающее идти на преступление, даже когда необходимости в нем нет.

И еще Макс чувствовал, что расстаться с новой подругой будет не так-то просто.

Он не заметил, как открылась дверь и в комнату проник Владик. Тот обнаружился как-то внезапно. Секунду назад его еще не было, и вот он, стоит рядом и с подозрением смотрит на них.

– Чем вы тут занимаетесь? Как папа, нормально? – Язык у него опережал мысль. Владик быстро присел, опасливо косясь на Макса, взял волосатое запястье отца и сделал вид, будто меряет пульс.

– С папой все в порядке, – голосом, подобным крепко выдержанному в холодильнике меду, проинформировала Майя заботливого сыночка.

Благоразумный Макс счел нужным воздержаться от комментариев.

– Ну и хорошо, – с видимым облегчением произнес Владик, отпуская руку. Он встал и беззвучно удалился.

– Пора и мне, – вздохнул Макс. – Завтра встретимся.

– И счастливо тебе отдежурить, милая, – закончила за него Майя.

– С каких это пор ты стала «милая»? – удивился Макс.

– А ты забыл, что вчера мне наговорил? – Майя вскинула брови. – Девичья же у тебя память!

Макс считал, что помнит все разговоры. Возможно, он что-то упустил... Да она же его дурит!

– Вот еще. – Макс улыбнулся. – Я за базар отвечаю.

– Тогда что ты готов делать до умоисступления? – весьма двусмысленно пошевелила Майя в воздухе пальчиками.

Макс потерялся. Впрочем, каждый судит о других по себе.

– Ты мне зубы не заговаривай, – усмехнулся он. – До исступления не дошло.

– А как же предложение синего рыцаря своей даме сердца? – коварно спросила Майя.

– Не было никакого предложения! – заявил Макс в полной уверенности, что ему пудрят мозги. – Меня не наколешь.

Они пронзительно глядели друг другу в глаза. Атмосфера между ними накалялась так стремительно, что вот-вот должна была проскользнуть ярко-белая искра электрического разряда. Вероятно, витавшие в воздухе флюиды сгустились настолько, что не оставили равнодушным даже коматозного старика.

Бывший главный инженер Соединения полковник Гриднев задвигался на своем ложе и открыл затуманенные бесконечным сном глаза.

Компаньоны встрепенулись и разом посмотрели на него.

– Жанна, – еле слышно произнес старик. – Жанна.

«Надо включить запись», – подумал Макс, но не сдвинулся с места.

– Да, папочка. – Майя опустила на колени подле кровати.

– Жанна, – повторил старик, – не уходи.

– Я не уйду, – сказала Майя. – Папочка, поговори со мной.

– Здесь так душно. Открой окно в сад.

– Сейчас открою.

Максу вдруг показалось, что он действительно находится в военном городке и случайно наблюдает разговор Жанны с отцом.

– Папа, – совершенно искренним тоном попросила Майя, – скажи, где твоя карта?

Восковая кожа на лбу бывшего главного инженера заметно напряглась.

– Она... в одежном шкафу, за зеркалом... я прячу от мамы, но тебе... Жанна... – прошептал он. – Открой окно... Ду-хо-та... – Старик что-то забормотал неразборчиво и через минуту затих.

Некоторое время компаньоны молча стояли, боясь шелохнуться и сорвать загадочное наваждение, пробудившее старика. Наконец они поняли, что момент истины прошел. Майя поднялась. Сцена с «отцом» вдруг показалась ей очень неприятной.

– Да ты артистка, милая. – Макс хитро сощурил глаза. – Какая ты артистка!

– Опять милая? – только и спросила Майя, стараясь не забыть услышанное от старика.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – утвердительным тоном проговорил Макс.

Они разом шагнули к двери.

– Тебе разве надоело жить на десять долларов в день? – ехидно спросила Майя.

– Мне все здесь надоело, – кинул Макс уже в коридоре.

Темп движения шальной парочки стремительно нарастал. Владик, беззвучно возникший на пути, вынужден был метнуться в кухню, чтобы не сбили с ног.

– Вы куда? – крикнул он вслед.

Компаньоны, сопя, торопливо обувались.

– Значит, все дни, проведенные в этой вонище, побоку?

– К черту!

Макс выпрямился и крутанул бронзовую рукоять массивного замка. Распахнул входную дверь и вместе с Майей выскочил на лестницу.

– Стойте! – запоздало крикнул Владик, но его не слушали.

Инстинктивно держась за руки, чтобы не потеряться, связанные общей тайной друзья летели по ступенькам.

– И значит...

– Мы едем в Крым!

– В горах нам потребуется два спальных мешка и двухместная палатка, – со знанием дела рассуждал Макс, живо представляя себе ледяные крымские ночи.

Новоиспеченные компаньоны многообещающего предприятия сидели у Макса на кухне. На столе, ополовиненная, стояла бутылка кагора. Правда, не массандровского, а всего лишь адыгейского, из Краснодарского края, но тоже довольно хорошего. Имелась также скромная закуска – по дороге Майя хлопнула бумажник в автобусе. Там было примерно два поденных оклада сиделки. На обед хватило.

Подкрепившись, Макс принялся составлять список экипировки, необходимой для поисков клада.

– Две пары обуви на толстой твердой подошве, лучше всего шнурованные сапоги типа «берцы». Две фляги, два рюкзака на раме. Лопаты там раздобудем.

– Мы и палатки там раздобудем, – заявила Майя. – Ты что, все это покупать собрался?

– Э-э... да нет. – Вино малость притупило соображение. – Чтобы это купить, тебе целый месяц потребуется по карманам шарить. Я считаю, надо выступить в роли организаторов похода «красных следопытов» по местам боевой славы. Экипируемся за счет какой-нибудь школы.

– И ты это на себе в Крым поволочешь? – В голосе Майи прозвучало праведное негодование.

– А что такого? – прикинул Макс. – Два рюкзака, палатка. В поезде ехать полтора дня.

– И с этим потом по Крыму таскаться, когда мы едем в оазис палаток и спальных мешков? – Майя недоумевала. – В гостиницу ты будешь селиться тоже с рюкзаком, как турист? Мы там все это найдем спокойно. Этого добра знаешь, сколько у моря валяется, прямо на земле?! Нужно только не поленился поднять.

– Там глина, – задумчиво сказал Макс, принимая к сведению поправки, – глина и камни, а у моря – галька. Там земли нет. Южный берег Крыма состоит из осадочных пород.

– Кошмар, – ужаснулась Майя. – Куда катимся?! – И тут же без перехода добавила: – Здесь нам нужно будет приодеться и обувь купить.

– Придется тебе, милая, покататься в транспорте, – вздохнул Макс и налил себе еще кагора. – Заодно обзаведемся приличными паспортами. На месте они нам понадобятся.

– С этим нет проблем, – усмехнулась Майя. – Паспортов у меня десятка три валяется на разные возрасты. Знаешь, сколько дураков в бумажник документы кладет? Паспорта, студенческие билеты, даже ксива народного дружинника есть. Я их сначала выбрасывала, а потом решила оставлять, вдруг пригодятся.

– О, это дело! – оживился Макс. Аппликация и каллиграфия были по его части.

Глава пятая, в которой Майя идет танцевать, а Макс пьет в свое удовольствие и выслушивает невероятную историю

Дискотеки (не путать с танцклассами и вечерами «кому за тридцать») в нашей стране меняли целевую направленность раз в десятилетие. В шестидесятых годах на дискотеку ходили потанцевать, в семидесятых – подраться, в восьмидесятых – поплясать, в девяностых – поторчать, а с наступлением миллениума – попить пива. Майя ходила на дискотеки воровать. У нее были свои представления об этих заведениях. По ее мнению, дискотеку посещала особая порода лохов, стремящихся до конца вечера обязательно расстаться со всеми наличными. Майя шла навстречу их щедрости, досрочно освобождая карманы, зачастую вместе с бумажником и всеми вложенными в него документами. Отгулявшие экстерном клиенты с чувством выполненного долга возвращались домой или продолжали веселиться за счет друзей-приятелей, до которых не дотянулись ловкие пальчики Майи. Подруги тоже могли служить источником финансирования. С девушками Майя работать не любила: как правило, барышни не напивались и держали ушки на макушке. Добраться до их кошельков было несказанно труднее. Однако тут Макс вызвался ей помочь.

– Вдвоем удобнее, – заявил он и тут же добавил: – Если что, я тебя отмажу.

– Попробуй, мой храбрый рыцарь, – иронично улыбнулась Майя.

К сверкающему елочными гирляндами ангару, где размещался ночной клуб «Просперо», добрались вместе, но зашли поодиночке и с небольшим интервалом, сначала Майя, затем, галантно пропустивший даму на подвиги, Макс.

В «Просперо» Макс был впервые и поначалу не очень обрадовался. Могучие секьюрити на входе проверили его металлодетектором, а к Майе даже заглянули в сумочку. Подобные меры предосторожности оказывались совершенно не лишними: молодежь и особенно гости из южных провинций запросто могли пронести пистолет или нож, а потом под горячую руку устроить на танцполе резню. Впрочем, сообразил Макс, полной безопасности детектор не гарантировал – нунчаки не звенят, зато в умелых руках равны охотничьему ножу. Да, кроме нунчак, есть еще немало специфических приبلуд, которые может изготовить дома и в совершенстве освоить фанатик боевых искусств. Явару, например, или кистень в виде бильярдного шара на гибкой ручке из китового уса. Металлодетектор их не обнаружит, а череп эта приспособа развалит запросто. Или японский кухонный нож с пластмассовой рукояткой и клинком из особо прочной керамики. Не говоря уж о ремне с массивной пряжкой, которую никакая охрана носить не запретит. Все это у Макса промелькнуло в голове, пока он двигался от кассы к посту охраны. И хотя у мирного мошенника оружия не было, пройдя контроль, он почувствовал некоторое облегчение.

Внутри клуб имени сказочного оружейника выглядел прилично, как и положено ночному клубу эпохи миллениума. Дизайнер, оформлявший ангар, был авангардистом, но имел хороший вкус, поэтому нарочито косые дверные проемы и футуристические росписи на стенах радовали намеком на поворот башни и полный отрыв от действительности к разгару веселья.

От длинного коридора направо вели туалетные двери, а слева размещался зал с танцполом, стойкой бара и многочисленными столиками. Майя уже устроилась за одним из них, и Макс с оттенком ревности заметил, что рядом пристраивается кавалер. Сам он решительно направился к бару, там как раз освободилось место.

– Не занято? – на всякий случай спросил он.

«Просперо» показался Максиму таким заведением, в котором запросто могли начистить гриву, если мордой не вышел. Дискотека в ангаре мало напоминала ночной клуб «Епископ»,

куда заглядывали исколотые крестами и богородицами опрятные туберкулезники в белых рубашках, где царила атмосфера осмотрительности и предупредительной вежливости, а за грубое поведение можно было получить под ребра нож, но не в самом клубе, а на его задворках. В «Епископ» Макс изредка ходил отдохнуть, и он сразу почувствовал, что расслабляться в «Просперо» не следует.

Мужчина, сидевший к нему вполоборота, помотал головой и даже рукой махнул, мол, устраивайся поудобнее. Макс вскарабкался на высокий табурет и заказал 0,33 «Золотой почки». Начинать следовало с небольшой порции, за которую было не совестно заплатить самому. Денег в кармане имелось сравнительно мало, и Макс рассчитывал найти на вечер серьезного спонсора.

Мужчина повернулся к нему. Макс увидел огромные голубые глаза за толстыми стеклами очков в изящной позолоченной оправе.

– А здесь ничего так, – прокричал он, наклоняясь к Макс, чтобы тот мог расслышать.

– Нормально, – ответил Макс и сделал большой глоток в подтверждение того, что в «Просперо» и впрямь изумительно.

– В первый раз здесь? – Редкие светлые волосы мужчины были зачесаны назад и прилизаны, но на гая он не был похож.

– В первый раз, а ты? – поинтересовался в свою очередь Макс для сохранения паритета.

Мужчина был его ровесником, может быть, даже помладше лет на пять, в тусклом мелькающем свете точный возраст сложно было определить, и Макс сразу перешел на «ты».

– И я тоже в первый. – Блондин протянул руку. – Андрей Лядов, журналист.

– Иван Никитин, старший менеджер, – придав голосу основательности, представился Макс.

При необходимости он мог бы рассказать, какую фирму представляет: питерский филиал отдела сбыта Ярославской фабрики мягкой игрушки. Эта отрасль никак не могла соприкасаться с медийной, и проверить достоверность его слов у нового знакомого не было никакой возможности. Тем более в баре. Никитиным Макс поименовался на всякий случай, вдруг Майя окликнет. Ей почему-то нравилось так его звать. Наверное, в память о посрамлении лжеконтролеров при их первой встрече в автобусе.

– С недавних пор я каждую ночь хожу по клубам, чтобы не спать, – доверительно сообщил Лядов.

– А это зачем? – поинтересовался Макс вполне искренне.

– Пока я не сплю, я защищен.

– Когда же ты спишь?

– Днем урываю от работы часа три-четыре, а то и в редакции за столом кемарю, там народу много и можно спать. – Разговор налаживался, благо музыка сделалась тише и мелодичнее. – А ночью по клубам – здесь шумно и можно взбодриться на танцполе. С девушкой познакомиться...

«Лясы поточить с кем-нибудь, – продолжил Макс про себя. – Кажется, на ловца и зверь бежит».

Он уже понял, что судьба свела его с клубным болтуном. Болтуны чаще встречаются в барах при ресторанах и кафе, но на дискотеках тоже не исключение. Болтун клубный щедрее болтуна барного и делится на два типа: тот, который болтает, и тот, который при этом наливает жертве-слушателю. Обстановка громкой музыки, плясок и всеобщего веселья делает клубного болтуна покладистым и щедрым. В кабацком баре гораздо скучнее. Там даже находятся такие пережитки прошлого, которые за выпивку способны загрузить спонсора невероятной историей. Эдакие реликты культуры переходящих народных сказителей, готовых за угощение развлекать баснями весь вечер.

Решительно нет! Болтуны клубные куда больше импонировали Макс.

В целях окончательного установления истины он опустошил свой бокал и демонстративно двинул им по стойке между собою и Лядовым. Тот повелся. Немедленно допил кружку и выразил готовность угостить собеседника. У Макса отлегло от сердца – спонсор включился в игру. Оставалось только слушать и пить.

Макс прислушивался вполуха. Болтун распинаясь о превратностях работы в Издательском доме «Сумеречный взгляд». Газету с таким названием Макс встречал на лотках, но мало ею интересовался, пролистывая от случая к случаю, потому что в ней не было объявлений. Временами он поглядывал на Майю. С табуретки ее было хорошо видно. Майя развела на ужин тридцатилетнего жирного херувима в очках и что-то ему втирала. Мозг херувима таял, и даже отсюда было заметно, как похотливо блестят его очки.

– ...С Пашей бродили по запущенным кварталам улицы Шкапина, – продолжал распинаясь дорвавшийся до свежих ушей журналюга. – Внутри полуразрушенной семиэтажки мы обнаружили загадочную квартиру. В самой большой комнате словно что-то взорвалось: на стенах, полу и потолке остались круги копоти. Будто взрыв произошел в самом центре помещения, в воздухе, опалив паркет и обои. Нам стало интересно, что же тут случилось. Во дворе на скамеечке курировал молодой человек. Парень, одетый в кожаные штаны и куртку на голое тело, выглядел изрядно помятым жизнью. Лишенное мимики лицо его давно не носило следов бритья, а потухший взгляд темных глаз напоминал печальный взор умирающего старика. «И вы ЭТО видели?» – спросил он. Тогда мы тоже сели на скамеечку, закурили и стали глядеть перед собой тусклым взором умирающего старика.

– А что было потом? – спросил Макс.

– Потом? Мы вернулись в редакцию. Но для нас все изменилось. Как всегда, немного, но необратимо меняется внутреннее состояние от столкновения со Значительным, – Лядов выделил это слово. – С аномальным феноменом или вполне объяснимым с позиций материализма, но несоизмеримо крупным для простого человека событием.

– Вот как! И много же у тебя в жизни было таких перемен?

– Много. К несчастью. У меня оказалась чересчур наполненная жизнь.

– Угу. Круто! – Макс отставил пустую кружку – голова начинала тупеть. – Давай еще по одной?

– Давай! – охотно согласился Лядов и помахал бармену. – Повторите, пожалуйста.

Тот не замедлил исполнить просьбу.

– А вот еще был случай... – к вящему изумлению Макса, собеседник не устал городить с три короба, а понес дальше. Язык у него летал, как помело.

«Дискотека превратилась в дикотерку, – подумал притомившийся Макс. – Нелегкая это работа – Майю из беды выручать!»

Майя, однако, в спасении не нуждалась. Она тащила херувима на танцпол и была довольна и весела.

– Зимой привозят в отдел милиции пьяную бомжиху, – сгорая от зависти к конкуренту, попавшему на медленную танцевальную композицию, прервал собеседника Макс. – Привезли, составляют протокол. Кто такая, спрашивают. Она: Снегурочка я. Менты: какая ты Снегурочка – бухая и обоссалась. А бомжиха говорит: это я...

Таю! Таю! Таю

На губах! —

ударила из колонок проникновенная Валерия.

Макс очень точно подгадал под припев.

– Молодец, жжешь! – расхохотался Лядов.

Валерия сменилась «Блестящими». «Блестящих» сменил «Раммштайн». Потом грохнуло что-то совершенно забойное и понеслось, одно за другим, сливаясь без перерыва в дикий плясовой ритм.

– ...Вуду. Настоящий унган, без всяких там! Мы с фотографом, когда приехали вместе со следственно-оперативной группой, то просто обалдели, – продолжал жужжать еле различимый под грохотом колонок неумный болтун. – А пляски у вудуистов вот как сейчас прыгают, в это время в них духи вселяются.

– Ну, ты, дружище, заплел мне все мозги в косу, – честно признался Макс. – Тебе самому-то эта жуть не снится?

– Почему, ты думаешь, я тут сижу? – вопросом на вопрос ответил Лядов.

– То есть ты из-за своей газетной работы ночью спать не можешь? Вредная работа. – Макс показалось, что на стеклах очков он различил полыхающий отблеск сумасшедшинки.

– Профессия журналиста входит в группу риска! – похвастался Лядов.

Заглянув еще раз в голубые навывкате глаза, Макс понял, что его собеседник безумен.

– Пойду полюю каменный цветок. – Он ощутил острую необходимость стряхнуть с ушей навешанную за вечер лапшу.

– Чего? – осекся в недоумении Лядов.

– В туалет надо, пиво просится наружу. Ты посторожи пока мое место, чтобы не заняли, ага?

– Я тоже схожу. – Кряхтя, Лядов сполз с табурета.

Вечер, незаметно переваливший за полночь, был в самом разгаре. Мигали разноцветные огни, «Думпс! Думпс! Думпс!» – была по ушам музыка, на танцполе было не протолкнуться. Макс попытался разглядеть Майю, но, конечно же, не заметил. Они с Лядовым добрались до двери, с трудом вписались в искривленный проем.

В коридоре сделалось тише и свежее. Ноздри слегка щипало от перцового газа. Вдалеке охрана лениво колотила тщедушного волосатика, вынося на кулаках прочь из заведения, а тот кривлялся и пробовал дать сдачи. Возле сортира тусовались азербайджанцы всех оттенков кожи.

В туалете было на удивление чисто. Писсуары оказались не авангардной, а вполне классической формы, так что даже пьяные гости не имели оправдания промахнуться.

Сделав дело, Макс почувствовал, как на поясе завибрировал мобильник.

– Вот и до меня кто-то добрался, – сказал он Лядову, доставая из чехла телефон.

«Встречаемся на выходе:-)», – пришла эсэмэска от Майи. Очевидно, фраза была заранее вбита в память, оставалось только нажать комбинацию клавиш.

– Извини, – сказал Макс Лядову. – Мне пора.

Клубный болтун хотел возразить, но вместо этого непроизвольно зевнул и зажмурился. Тут же из кабинки высунулась огромная волосатая рука и втащила его внутрь. Дверца захлопнулась. Из кабинки донесся писк Лядова и гортанный голос, произносящий страстные слова на клекочущем кавказском наречии.

Макс поспешил вон.

В вестибюле он подругу не встретил, забрал в гардеробе куртку и выскочил на улицу. Майя что-то обсуждала с херувимом, показывая пальцем то направо, то налево. Кавалер пытался уследить за ее жестами и предложить свое осмысленное толкование, но не успевал. Спускаясь с крыльца, Макс радушно всплеснул руками, привлекая к себе внимание, чтобы не напугать херувима неожиданным появлением.

– А, вот где ты! – воскликнул он, с восторгом глядя на Майю. – Весь вечер тебя искал. Ну что, домой?

– Домой, милый, – проворковала Майя, беря Макса под руку, и помахала бывшему кавалеру пальчиками. – Пока, Вася!

Если бы у херувима были крылья, они бы поникли, а нимб угас. Он все понял, жалобно вздохнул и безропотно поплелся в сторону метро.

– Надеюсь, у него в кармане были жетоны, а не монеты, – негромко пробормотала Майя. – Впрочем, ему до дому всего час идти.

Они двинулись в обратном направлении по боковой улочке возле клуба, на которой стояли киоски со всякой всячиной, чтобы как можно быстрее удалиться от незадачливого поклонника.

– Мы действительно домой или поход не закончен? – поинтересовался Макс.

– Закончен, – сказала Майя. – И лучше мне в этом клубе пока не появляться.

– Ну и не будем, у меня сразу к нему душа не лежала. Стремное какое-то заведение, все время гляди в оба и не зевай, а кому такое понравится?

Макс, которому выпитого за вечер пива показалось мало, потянул Майю к ларьку.

– Три «Старого тельника» и пакет, – сказал он зачарованно глядящей на него продавщице.

Девушка медленно кивнула и полезла за бутылками. Макс вручил ей сотенную купюру. Продавщица долго таращилась на нее, затем сообразила, посчитала на калькуляторе и отвернулась к кассе, стоящей в глубине ларька.

Пока она возилась, Макс убрал бутылки в новоприобретенную сумку.

– Вот, – выложила продавщица сдачу и с недоумением посмотрела на пустой прилавок. – А я вам пиво давала?

– Нет, – сказал Макс.

– Ага, сейчас. – Девушка нырнула за бутылками.

Макс убрал деньги.

– Кстати, – напомнил он, когда продавщица выставила три «Тельника». – Вы мне еще сдачу должны.

– Сейчас. – Пока она крутилась у кассы, Макс поспешно сунул Майе пиво. Возиться с запихиванием в пакет он не решился.

– Вот, пожалуйста.

Макс взял протянутую сдачу и потребовал:

– А пиво?

– Пиво? Извините, – пробормотала девушка, окинув взглядом пустой прилавок. Взгляд у нее тоже был пустой. Бутылки, Впрочем, появились без задержки. – Еще что?

– Еще вы мне хотели сдачу дать, – нашелся Макс.

– Точно.

Когда девушка отвернулась к кассе, Майя громко шепнула:

– Хорош, завязывай! В мешке уже места нет!

– В карманы положим! – огрызнулся Макс, деловито рассовывая бутылки. Они и в самом деле не помещались в сумку. – Грех от халявы отказываться, когда она прет.

Он управился вовремя. Продавщица сыпанула в тарелочку сдачу и ошалело спросила:

– А я вам пиво разве не давала?

– Да нет еще, не давали, вот, жду!

– Минуточку.

– Шизня! – вздохнула Майя.

Этим она, вероятно, спугнула халяву. Выставив бутылки, девушка припомнила:

– А сдачу я вам уже давала?

– Да, спасибо, – сообразил Макс, что лучше не дразнить гусей, если у жертвы в голове завертелись какие-то колесики.

Забрав бутылки, которые уже пришлось нести в руках, прохиндеи отчалили от хлебной точки. Учитывая тот факт, что пиво в двадцать первом веке превратилось для большинства

россиян во второй хлеб, а для производителей пенного напитка – в булку с маслом и черной икрой, ларек по своему воздействию оказался чем-то вроде благотворительной столовой для неимущих.

– Впервые такое вижу! – изумилась Майя, когда они остановились в некотором отдалении от пивного Эльдорадо и стали распахивать бутылки: восемь штук влезло в пакет, пару Макс засунул в карманы куртки, а две тут же откупорил.

– Она удалбаная была, – хмыкнул он, протягивая Майе пенящуюся бутылку. – Обкурилась анашой, наверное. Я сразу заметил, что барышня как-то совсем уж запредельно тормозит. Может быть, теперь тебе пойти что-нибудь купить у нее?

– Нет, – отрезала Майя, привыкшая доверять интуиции. – Довольно, и вообще пора уносить ноги, пока на охрану не напались.

– Тогда домой! – Макс представил себе гоп-патруль из ближайшего двора, нанятый владельцем ларька сторожить ночью свою лавчонку, и быстро поймал машину.

Они приехали на «Электросилу» в начале второго. На кухне Майя выложила на стол кучку очищенных от кошельков купюр и пару мобильных телефонов. Всего набралось семнадцать тысяч триста рублей. Пляски на танцполе приносили хорошую прибыль. На эти деньги можно было вдвоем доехать до Черного моря, вернуться и при некоторой экономии отдыхать там целую неделю.

– Завтра покупаем билеты! – заявил Макс. – И еще, мне нужны все твои паспорта.

Глава шестая, в которой Майя покупает билеты, а Макс сводит воедино темное искусство аппликации, фотографии и каллиграфии

Майя упорхнула рано утром, обещав завезти паспорта и фотографии. Макс выдал ей ключи без всякой опаски. При необходимости поменять замки было несложно, да и в холостяцкой квартире не имелось ничего ценного. К своим тридцати пяти годам сколь-нибудь существенного движимого имущества Макс не нажил.

В начале девяностых, когда деньги текли рекой и сами прилипали к рукам, он купил жилье на Московском проспекте, перестав скитаться по съемным хатам. Тогда же в квартире завелась неброская мебель, холодильник и видеодвойка. 12 октября 1994 года счастливая пора кончилась. Валютный обвал «черного вторника» ударил по мелким и средним держателям долларов, разорив многих и опустив почти всех, а именно это травоядное племя составляло кормовую базу Макса Верещагина. Так завершилась эпоха шального заработка и мотовства, когда деньги на повседневные расходы отмерялись из пачки сантиметрами, а пачка все не кончалась и не кончалась.

Не имея привычки к накопительству, Макс оказался на мели, но постепенно восстановил благосостояние вслед за источниками обогащения. Он привык жить в свое удовольствие и никогда не откладывал на черный день, будучи уверен, что всегда сумеет поднять денег на пропитание. «Лох не мамонт, – любил повторять Макс, – не вымрет». Сам он не хотел походить на жвачное животное, обрастающее толстым слоем сала, зная, что настанет день, когда какой-нибудь ловкач сумеет его обезжирить. Макс не держался за вещи и безо всякой опаски доверил ключи своей ушедшей подруге. В худшем случае он потеряет телевизор. В лучшем – завоеует доверие коллеги. Впрочем, то и другое он считал маловероятными крайностями. Более вероятным представлялся один из компромиссных вариантов, которые во множестве лежали между ними. Полное доверие, конечно, невозможно среди мошенников, а вот частичное уже похвально. Майя ушла, оставив всю вчерашнюю добычу. Ее поступок вселял в сердце Макса надежду съездить с симпатичной девушкой на юг, и если не найти клад, то замечательно там отдохнуть.

Будучи уже в зрелом возрасте, он оставался убежденным холостяком. Не с руки преступнику обзаводиться семьей. Какие дети, когда могут в любой момент замести и дать срок? Кроме того, баба в доме – это обуза, которую жулик терпеть не мог. Он привык вести разгульную жизнь и дорожил свободой, но теперь был готов пересмотреть свои взгляды. Майя была самой необычной из когда-либо встреченных женщин. В тридцать пять лет Макс втюрился по уши, хотя еще не осознал всей глубины своего падения.

Несмотря на бурно проведенный вечер в «Просперо», Макс был готов к подвигам, главным из которых стала необходимость хорошо выглядеть. Перспектива обзаведения кучей паспортов вынуждала посетить фотоателье.

Макс Верещагин имел фотогеничную внешность и неизменно удавался на снимках. Однако для фотокарточки в паспорт мало было получиться хорошо, надо было получиться добропорядочно, чтобы любой придирчивый мент и другой государственный служащий, пограничник или работник таможни, посмотрел на фото и немедленно уяснил, какой перед ним безобидный обыватель. Для поездки в ближнее зарубежье, сохранившее большую часть повадок советской республики, Макс предпочитал выглядеть не крутым, но законопослушным.

Покрутившись перед зеркалом в ванной, он при помощи бритвенного станка и смачиваемой под краном расчески привел себя в божеский вид. Внешность не смогла испортить даже прогулка по жаркой пыльной улице до магазина, при котором размещался в отдельном загон-

чике фотограф. В ателье Макс еще раз полюбовался на свое отражение и остался доволен. Мастер навел на него трубу дорогого цифровика и полыхнул блицем.

– Будем корректировать? – Ушлый маэстро тут же перекачал снимок на компьютер и открыл в «Фотошопе». – Это еще пятьдесят рублей будет стоить.

– И так полный порядок, – отказался Макс, глянув на изображение.

Получив фотографии, он еще раз оценил их – и мельком, и пристально. Результат понравился: со снимков таращилась самая обыкновенная морда жвачного животного, лицо простое и располагающее. Физиономия честного человека.

«Все идет по плану, – подумал Макс, перемещаясь из фотоателье в продуктовый отдел магазина. – Если дело началось гладко, значит, оно выгорит».

Макс купил проверенных холостяцким бытом замороженных овощей и котлет, а также пакет вишневого сока и бутылку коктейльного «Бастардо». Заразившись легендой о кладе старинных вин, на поиски которых ему предстояло отправиться, Макс решил подробнее ознакомиться с предметом изысканий и как следует его распробовать. Вдруг знание принесет удачу. Такое в его богатой практике бывало не раз, когда пустяшная информация оказывалась необходимой и неожиданно помогала вывернуться из патовой ситуации, а то и вовсе целиком обратиться в свою пользу.

Вот как, например, с шахматистом.

Немудреный шахматный этюд (белые начинают и выигрывают в четыре хода) Макс освоил как-то вечером 1995 года в баре на Васильевском острове. Не сказать, чтобы это была такая уж хитрая наука – свести игру к пату вместо задуманного противником мата, а поди ж ты – сколько поколений жуликов обувало доверчивых ротозеев предложением решить простую шахматную задачку! Макс запомнил расстановку фигур просто так, без далеко идущих планов, он всегда был рад научиться чему-нибудь новому. Кто же мог знать, что затасканная четырехходовка спасет ему жизнь?

С жертвами своих манипуляций Максу доводилось встречаться редко. Но в том же 95-м году потерпевшими оказались бандиты с Гостиного Двора, которым Макс зарядил простую воду в упаковках ампул с безупречными заводскими надписями «Морфина гидрохлорид». Фальшивое стекло любителей «белого» совершенно не треснуло. Они пометались пару дней вблизи точки, где случайный драгдилер впарил им фуфло, и успокоились. Злой случай столкнул их буквально нос к носу в дверях центрального отделения Астрабанка. Бандиты входили, а Макс, соответственно, выходил. Они узнали друг друга мгновенно.

«Будут бить, – сообразил Макс по перекошенным от бешенства мордам терпил. – Возможно, прямо на Невском!»

Он с равнодушным видом проскользнул мимо, приценившись к степени отморозенности потерпевших и поняв, что убивать на глазах банковской охраны его не станут. Бандитов было двое. Они отступили к своему джипу и стали шептаться, мечая молнии в спину удаляющемуся обманщику. Макс прикинул, что сейчас они договорятся и начнут действовать. Возможно, запишут его в машину и увезут наматывать кишки на локоть, по ходу дела дав подписать генеральную доверенность на квартиру. Времена в стране стояли лихие, похищению в людном месте прохожие граждане не удивятся и тем

более не станут звонить в милицию. Сложив все эти, простые как дважды два, факты, Макс получил не менее простой результат – ему кранты. Стараясь не ускорять шаг и никоим образом не выказывать паники, чтобы у бандитов не сработал рефлекс преследования, он спокойно перешел Невский и направился в Катькин сад. От испуга голова перестала работать, и Макс всецело доверился интуиции.

Возле скамеечек у памятника Екатерине Великой толпились заядлые шахматисты. Они всегда собирались тут, избрав по каким-то только им ведомым резонам место для своих интеллектуальных баталий. Макс остановился напротив оживленной кучки болельщиков и принялся робко на них посматривать.

– Молодой человек интересуется шахматами? – вежливо прокаркал старческий голос.

Макс обернулся и увидел тощего пожилого мужчину в бежевом плаще. Щеки у старика были впалые, а глаза – голубые и колючие.

– Интересуюсь, – согласился Макс. – Я тут с друзьями поспорил, что шахматную задачку решу. Думал, просто так, а оказалось, на деньги. Завтра платить или решение показывать, вот я и пришел посмотреть... поучиться.

– Учиться никогда не поздно, – сказал дед.

– Даже не знаю, что делать, – пожаловался Макс, – задача трудная. Я готов триста долларов поставить, что вы ее не решите.

– Триста долларов? Отвечаю. – Старик направился к пустой скамейке с одиноко стоящей на ней шахматной доской.

Макс сел напротив деда. Даже если бы у него совсем не было денег, это ничего не меняло. Макс не видел, но интуитивно чувствовал, как к нему приближаются бандиты.

– Вот такая позиция. – Макс расставил фигуры. – Белые начинают и ставят мат в четыре хода.

– О! – с пониманием сказал катала, с детства видевший эту позицию миллион раз. Не показывая вида, он в этот момент напряженно думал. Но не над решением шахматной задачи, а комбинировал невероятной сложности схемы, просчитывая, зачем на точку пришел молодой жулик и не упорол ли он сам на старости лет косяк, затянув в игру возможную ментовскую прокладку. В этом «О!» было чудовищное хитросплетение мысли, помноженное на многолетний опыт отсидки в местах не столь отдаленных.

Мутный «пионер» со своей банальной четырехходовкой представлял для особо опасного рецидивиста на пенсии каверзную задачу.

– Ваша задача довольно просто решается, – вдруг с облегчением сказал старик. – Однако я не знаю, есть ли у вас деньги, которые вы готовы поставить.

Краем глаза Макс тоже узрел бандитов, появившихся в воротах сквера. Терпилы огляделись и ринулись в его направлении, обмениваясь на ходу короткими репликами.

– Есть. Вот. – Макс достал три купюры с портретом Бенджамина Франклина, расправил и положил под доску.

– Куда заныкался, сука? – рыкнул на ходу бандит.

– Притырился, гад! – тут же рявкнул второй, налетая на Макса.

Макс закрыл голову руками, но его все же уронили на скамью. С треском разлетелись фигурки. «Свалят – запинают!» – мелькнула мысль, но Макса больше никто не ударил. Он убрал руки и увидел, что бандитов умело и крепко

лупцуют четверо потасканных худощавых мужчин самого пролетарского вида. Макс выпрямился и сел. Поднял взгляд на старика. Тот сдержанно и, как показалось Макс, одобрительно кивнул.

Уяснив, чего на самом деле хотел странный молодой авантюрист, пенсионер успокоился и даже обрадовался, подсчитывая барыши. Сложная комбинация человеческих отношений решилась простым разменом фигур. Такой расклад старому жулику был понятен и, кроме того, приятно задевал сентиментальные струнки души: чуял «пионер», что не выстоит против двух бицепсов, и за помощью к людям пришел. Драка же обычное дело, для этого всегда отбойщики на подхвате. А пионер... «Пусть идет, – решил особо опасный рецидивист. – Если он где-то накосячил, меня это не касается, а вот бакланы сейчас ответят деньгами за поломанную игру. Видели же, с кем лох играть сел!»

Макс встал и поспешно вышел из Каткиного сада. Ему никто не мешал. Триста долларов, оставшиеся под доской, были весьма умеренной платой за урок судьбы. Из этого происшествия Макс сделал выводы и больше никогда не связывался с бандитами и наркотиками.

И никогда ни с кем не садился играть в азартные игры, пусть даже в безобидные шахматы.

Вдохновленный удачным посещением фотоателье, Макс, заявившись домой, сразу принялся кулинарничать. Щедро налил в глубокую сковороду подсолнечного масла и высыпал овощи из пакета; на другую, помельче, котлет побольше. Полюбовался, как они шипят и скворчат, достал штопор, откупорил «Бастардо». Поднес наполненный бокал к окну. Улыбнулся. Солнце наполняло вино рубиновым светом. Казалось, свет можно было откусывать. Он выглядел твердым и вкусным, как съедобный драгоценный камень.

«Совсем недурно! – Макс пригубил, подержал вино на языке. – Гораздо лучше, чем думалось. Хотя домашнее вино в армии было куда нажористее и слаще. Должно быть, сорт винограда другой».

Он перелил «Бастардо» в полулитровый графин и убрал в холодильник. Бутылку с остатками поместил на столе, на самом видном месте, а в бокал налил сока. Перед сложной и кропотливой работой он не хотел пьянеть. Вишневый сок был по виду очень похож на вино, но, отпив, Макс понял, что на сей раз его надули.

«Прибыльное, должно быть, предприятие. – Макс не уставал восхищаться чужой ловкостью. – Вода, краситель, подсластитель и линия по расфасовке в пакеты. Самое дорогое, конечно, линия, не считая взяток, на это нужен хороший начальный капитал. Надо же, как правильно в свое время люди подсустились!»

Макс ничего не имел против более успешных коллег и сразу забыл о них. Мысленно он находился уже там, в горах, среди пропеченных солнцем камней, желтой сухой травы и низкого колючего леса. Крым Крым представлялся Макс только по Кизилташу, каким видел его в армии. Наворачивая горячее овощное рагу, обильно политое кетчупом, Макс предвкушал встречу со сказочной страной, куда в душе много лет стремился и куда подтолкнул отправиться счастливый случай. Погруженный в свои мечты, Макс даже не заметил, как негромко клацнул замок и на кухне за его спиной возникла Майя.

– Угадай, кто пришел? – Она неслышно приблизилась и закрыла глаза ладонями.

От неожиданности Макс поперхнулся и чуть не нагадил в штаны.

– Ты больше так не делай, – сказал он, прокашлявшись. – У меня чуть сердце не разорвалось.

– Ай какие мы нежные! А я думала, что у рыцарей дух покрепче будет.

– У меня дух и так крепок, – запротестовал Макс.

– Заметно, – фыркнула Майя. – Ты когда последний раз мылся?

– Ты на паспорт сфотографировалась? – Макс понял, что его опять удачно подкололи.

– Конечно. – Майя достала из сумочки точно такой же белый конверт, в какой упаковали фотографии Макс, и положила на стол.

«Она уже в моем районе освоилась! – поразился Макс. – Или живет где-то рядом? Или просто конверты одинаковые во всех фотосалонах?»

– Паспорта принесла? – спросил он.

– Набрала примерно на наш возраст. Вот, три женских и четыре мужских. – Майя выложила поверх конверта толстую пачку темно-красных книжечек. – Было еще всякое старье, сама не знаю, зачем храню.

– Храни. Жизнь – штука сложная. Никогда не знаешь, что пригодится. – Макс бегло просмотрел документы. – Ништяк фанера.

– Какая фанера?

– Паспорта. Ты что, никогда не слышала, как их называют?

– Первый раз от тебя, клянусь, – призналась Майя. – Я девушка интеллигентная.

– Интеллигентная, – повторил Макс, словно пробуя слово на вкус, он вдруг показался себе очень старым. – Не смотри, что я горбат, – как мужчина просто клад!

– Ого! – Майя повертела в руках бутылку «Бастардо». – Мужчина... Ты с утра столько принял? Работать-то сможешь?

– Мастерство не пропьешь, – ухмыльнулся Макс и поцеловал Майю в щеку, обдав винным запахом.

– Я тоже хочу, – капризно попросила она.

Макс достал чистый бокал, налил и чокнулся с ней вишневым соком.

– За нашу поездку!

– Вкусное, – заметила Майя.

– Мы едем туда, где такого вина хоть залейся, – похвастался Макс. – Знаешь, дуй на вокзал за билетами. Нам чем раньше, тем лучше. Вот тебе мой паспорт, не смотри, что грязноват, зато как настоящий, и вот деньги. Желаю удачи!

Выпроводив подружку, Макс приступил к работе. Подделка документов требует аккуратности и сосредоточенности. Это занятие не для растяп, особенно после введения российских паспортов нового образца, с термоклейкой пленкой на третьей странице. Ее Макс считал заразой вроде гонореи – не смертельно, но жить мешает.

Пленку можно было отклеить, проглаживая утюгом, выставленным на минимальный нагрев. Макс решил не париться с каждым паспортом индивидуально, а поставить дело на поток. Он нашел за шкафом рулон лавсановой пленки и нарезал квадратиков размером чуть больше страницы. Ловко орудуя утюгом и листом мелованной бумаги, коричневеющей с каждой прожаркой, он отклеил пленку и проложил ее лавсаном, отделить который будет потом совсем несложно.

– Дорогие вы мои. – Макс нежно подул на остывающие пленочки и с умилением оглядел разложенные паспорта. Так много фанеры сразу ему подделывать еще не доводилось.

Для разгона Макс взялся за самый трепанный паспорт Коваленко Петра Леонидовича 1969 года рождения. Этот документ, траченный водою и грязью, он пустил под утюг первым, проверяя нагрев.

«Ну и рожа! – удивился Макс. Со снимка на него испуганно таращился исполнительный и туповатый служака. – Откель ты, солдатик? – Он высокомерно изучил пятую страницу, на

которой под штампом города Рыльска стояла печать совсем недавней петербургской регистрации. – Ишь ты, шустрый какой, без женитьбы в Питере прописку получил! Где тебя Майя зацепила? Наверное, в транспорте прокатился».

На ксиве мигранта Макс решил потренироваться в переклейке фотографии. С паспорта СССР она снималась при помощи утюга. Новый документ недалеко ушел от советского предшественника. Система стремилась упростить работу сотрудников, а потому клерки паспортных столов продолжали пользоваться добротным проверенным термоклеем.

Макс по-детски радовался тому, что ему тоже облегчили работу. Отделив фото служивого, он проделал ту же операцию с остальными паспортами.

– Надо перекурить, – прошептал он, когда все документы лишились лиц.

Некурящий Макс перекуривал растворимым кофе и позавчерашним окаменевшим рога-ликом. После того как он развил бурную деятельность, на кухне стало очень уютно. На столе, устремив заостренный нос к небу, как стартующий космолет, высился утюг, повсюду валялись открытые паспорта, исходила паром чашка кофе. Было видно, что человек не впустую проводит время, а занят ремеслом, пусть социально опасным, но зато работает с душой и энтузиазмом.

После перекура началась самая увлекательная часть процесса. Пошарив под диваном, Макс достал приклеенный скотчем маленький стальной уголок. С одной стороны на уголок была приделана точечной сваркой крошечная ручка, с другой помещалась резинка с хитрым рельефом.

Макс сдул с уголка пыль и тщательно протер носовым платком. Из ящика стола он вынул плоскую жестяную коробочку и лист бумаги. В коробочке помещалась штемпельная подушка с красными чернилами. Макс потыкал уголком в подушку и на секунду прижал его к бумаге. Когда он убрал руку, на листе остался четкий отпечаток защитного узора для фотографии паспорта Российской Федерации.

Спустя час кухню снова было не узнать. Исчез рабочий беспорядок, улетучился весь уют, на кухне царила постная атмосфера монастырского скриптория. Макс, обложившись бумагой и ручками, набивал руку проверенным писарским методом под девизом: «Повторение – мать учения».

– Портнов Сергей Сергеевич, семьдесят третьего года, – вслух произнес Макс и вывел размашистую подпись. – Ну-ка, сверимся с оригиналом. Похоже!

Листок, лежащий перед ним, был густо исписан подделками образца подписи с паспорта Сергея Сергеевича. Финальная попытка чрезвычайно напоминала автограф Портнова, словно он сам на минуту зашел и оставил небрежный росчерк.

– Екимчук Владимир Денисович, семидесятого года, – монотонно произнес Макс, двигая другой лист. – А... чего тут, проще некуда. – И заглянул в паспорт. – Он и есть.

Роспись действительно вышла безупречной.

– Борисов Андрей Алексеевич, тысяча девятьсот семьдесят пятого... Оп-ля! Похож? Похож! Ну-ка, служивый, товарищ Коваленко. – Гелевая ручка вывела топорную солдафонскую подпись. – Как родной!

От увлекательного самолюбования его оторвал звук открываемого замка. Оставив каллиграфию, Макс поспешил навстречу своей музе.

– Как твои успехи?

– А твои? – сразу же спросила Майя.

– Ты будешь приятно удивлена количеством своих новых имен.

– Да неужели?

– Безотходное производство! – похвастался Макс. – Все в дело пустил. Ни одного не запарол! Теперь ты рассказывай, чего такая довольная?

– Через хачей два билета на послезавтра взяла. – Майя цвела от счастья. – Кто-то совсем недавно сдал, еще толкнуть не успели. Места на верхних полках, но зато в одном купе.

– У хачей? Да они же вдвое дерут! – возмутился Макс, не терпевший жульничества по отношению к себе.

– Да, милый. И еще пришлось сто процентов накинуть за то, что выкупили у кассирши билеты на послезавтра, а не на следующую неделю.

– Ого, – печально вздохнул Макс. – Ты потратила все деньги?

– Деньги? – расхохоталась Майя и достала из сумочки распухший от купюр бумажник дорогой бордовой кожи. – Да вот же они!

Глава седьмая, в которой голубой вагон оказывается зеленым, а его пассажиры – доверчивыми и щедрыми

Толчея на перроне навяла Максу философские мысли о мелочной суете рода людского. Пассажиры, встречающие, провожающие, воры, бомжи, цыгане, грузчики – все спешили по своим делам, торопясь управиться без последствий. Все они казались песчинками, которые волны железнодорожного расписания гоняют по твердыне вокзала. Подобно вмурованным в берег кускам матерого мусора, недвижно стояли под защитой столбов и киосков наряды транспортной милиции, обтекаемые смрадной массой пассажиропотока.

С неохотой признав себя песчинкой, одной из многих, Макс внедрился в толпу. Правый бок оттягивала туго набитая светло-серая брезентовая котомка, в левой руке он тащил тяжелую сумку. Вроде старались не обременять себя багажом, но на двоих набралось прилично. В правой руке противно шуршал увесистый полиэтиленовый пакет с двухлитровой баклажкой газировки, таким же бутылем пива и свертком с бутербродами. По пути к вагону Макс пару раз обернулся: где там Майя? Энергичная подруга следовала на некотором расстоянии с любопытствующим выражением лица. Ей тоже была не слишком приятна эта суета, не сули она прибыльных мелочей в момент столкновения с будущими попутчиками.

Заглядевшись на спутницу, Макс чудом избежал таранящего удара невесть откуда возникшим древним дерматиновым чемоданом с потемневшими медными уголками. Для защиты от ветхости и воров чемодан был крепко связан веревкой. За веревочные петли держались два рыхлых гражданина среднего возраста с овечьими лицами сотрудников бюджетного НИИ, называемые в народе попросту «ботаниками».

– Как это мы промахнулись... – пропыхтел низенький толстячок, обращаясь к своему долговязому коллеге с овальным вологодским лицом, заросшим геологической бородкой. – Мимо нашего вагона...

Тут на пути «ботаников» возникла вросшая в платформу семейка, и Макс понял, что столкновения избежать не удастся. Он успел лишь немного уклониться в сторону, и только это обстоятельство не позволило чемодану раскатать его по заплеванному асфальту перрона.

– Хых!.. – Научные сотрудники разом остановились и с видимым удовольствием опустили груз.

– Здорово, земляки, – машинально выпалил растерявшийся Макс.

– И вам здрасте, – кивнул зацепивший Макса плечом толстяк.

Его очки в широкой пластмассовой оправе почти сползли со вспотевшего носа, и толстячок поправил их свободной от чемодана рукой. Тотчас же перекинутая через плечо сумка толкнула «ботаника» в бок, и он ойкнул: что-то твердое и продолговатое, стоящее в сумке, остро ткнуло его под заросшие жиром ребра.

– Извините, – сообразил бородач. От него пахло дешевым цинандали колпинского разлива, и Макс невольно скривил губы: в жару подобное амбре вызывало тошноту.

– Ерунда, – сказал Макс.

– Ну что, Володя, взяли? – Толстячок потянул веревочную петлю, его бородатый коллега также впрягся в ярмо.

Посчитав конфликт исчерпанным, «ботаники» с чемоданищем на удивление изящно юркнули в свой купейный вагон, и Макс взглянул на номер: десятый, сразу за вагоном-рестораном.

– Никитин! – крикнули сзади, и Макс не сразу понял, что это зовет его Майя. Он обернулся. – Какой у нас вагон?

На билете значилось «15К», и до него надо было еще переть и переть. Снаружи поезд «Петербург – Севастополь» выглядел угрюмым и тесным, как тюрьма. Макс даже махнул рукой, мол, еще потолчемся снаружи. Он сгрузил вещи у ног проводницы, наивной, молдавского вида чернявой девушки, и вытащил из кармана паспорт с билетом. Нырять во чрево железнодорожного состава решительно не хотелось. Вагон был гнетущим и грязно-зеленым, а вовсе не голубым и уютным, как обещали в доброй детской песенке. Да и вместо «Катится, катится, голубой вагон» из дверного проема доносилось негромкое «Я на тебе, как на войне», заглушаемое гомоном вокзала. Макс, который не был в Крыму уже пятнадцать лет и никогда на этом поезде не ездил, напоследок глубоко вдохнул вольного воздуха и несмело шагнул в тамбур.

Внутри вагон оказался не таким мрачным, как представлялось с платформы. Добровольно предав себя в объятия всемогущего МПС, Макс оказался в его автономной, изолированной от внешнего мира реальности. Расталкивая сумкой провожающих, Макс протиснулся между туалетом и титаном и устремился по коридору, приглядываясь к табличкам с номерами мест.

– Никитин, нам сюда! – окликнула Майя. Вовремя сориентировавшись, Макс ввалился в купе, где за столиком сидели маленький седой старичок и подтянутый усатый гражданин напротив.

– Добрый день, – первым делом приветствовал Макс своих попутчиков.

– Здравствуйте, – выглянула из-за его плеча Майя.

При виде молоденькой барышни пассажиры немедленно заулыбались. Старичок ожил и притиснулся к окну, приглашая молодежь присесть рядом. Усатый гражданин любезно привстал, позволив Макс у убрать сумку в дорожный рундук. Свою брезентовую котомку с необходимыми в пути вещами Макс забросил на верхнюю полку, а газировку и пиво водрузил на стол.

Завязался непринужденный разговор. Старичок оказался генералом, ехавшим на слет ветеранов в Курск, усатый гражданин – военным врачом-афганцем, который хоть к сообществу фронтовиков не принадлежал, но выходил там же.

Поезд тронулся. Медленно поехали назад провожающие вместе с перроном, вокзальные столбы и заборы сменились пустошью полосы отчуждения, состав набрал ход. Пассажиры, совершив привычные эмпээсовские ритуалы, погрузились в обычную маетную дорожную скуку, щедро настоящую на летней жажде. Макс и Майя залезли на свои полки, провалялись там с час. Наконец божество МПС взяло свое. Майя вытащила из рукава изящный женский кошелечек и, озабоченно заглянув в него, перевела хитрый взгляд на Макса:

– Молодой человек угостит девушку мороженым?

– Может, сперва что-нибудь перекусим? – спросил Макс.

К вагону-ресторану они добирались под аккомпанемент изысканного набора песенок, что транслировало радио Октябрьской железной дороги. В этом компоте Таня Буланова соседствовала с Земфирой, а «Спи, мой мальчик маленький» сменялся трагичной «Я убью тебя, лодочник». И дверь поездной забегаловки Макс раскрыл в том состоянии, когда ирония сплавлена с предвкушением вдохновения. Оказалось, здесь и впрямь было от чего вдохновиться.

За первым же с краю столиком уже весьма неплохо сидели те самые «ботаники», очкастый и бородатый, что тащили по перрону чемодан. Вырвавшиеся из тесных объятий семьи и рабочего коллектива сотрудники времени зря не теряли и уже успели изрядно набраться, чему Макс, оценивший этот рекордно короткий срок, даже позавидовал. «Ботаники» говорили о чем-то, одним им понятном и известном, уже довольно нечленораздельно, и то и дело подкрепляли свои аргументы очередным опрокидыванием рюмок в пышущие перегаром пасти. Макс не растерялся и подвалил к их столику:

– Ну, вы даете, земляки! Куда пропали-то? Ищу вас, ищу.

– ...Потому что нам-то на горбу всю эту хрень тащить! – Толстячок, продолжая убедительно доказывать какие-то смутные постулаты своему бородатому коллеге, осоловело глядел перед собой, видимо, с трудом отделяя пространство от времени. Он даже не повернулся в сторону Макса, лишь кивнув, словно говоря: «Какие проблемы, старик, конечно!»

Бородатый же уперся глазами в салат: вилка в свободной от рюмки его руке повиновалась нехотя, и «ботаник» прилагал немалые усилия, чтобы зацепить ломоть огурца, предательски скользившего по растительному маслу.

– Мы присядем, а то так пить хочется, что даже перекусить негде? – Ушлая парочка непринужденно подсела к их столику.

– А-а, привет, – наконец отреагировал рыхлый бородач, которого, как Макс понял по обрывку перронного разговора, звали Володей.

– Чё будем брать, водку будем пить?

– Бу... будем! – решительно заявил Володя, постучав вилкой по недопитой поллитровке, в которой, впрочем, оставалось совсем на доньшке. При этом он не отрывал глаз от салата. Закончив звенеть, «ботаник» возобновил борьбу с кружочком огурца.

Макс вскинул голову с таким уверенным видом, что к ним сразу подлетела официантка.

– Нам еще одну водки, два салата, четыре пива и потом даме кофе и мороженое, – распорядился Макс.

– Вам вместе считать? – осведомилась официантка.

Навар с ужратых в дупель пассажиров был ее традиционным кормом. Великодушный Макс выразил на лице готовность поделиться. Официантка правильно его поняла и не стала чинить препятствия. Она одна, а клиентов вон сколько. Лучше взять немножко здесь, чем тратить силы, гоняя конкурентов со своего поля.

– Вместе.

Пока он заказывал, научные сотрудники умолкли. По жару и духоте их развезло; теперь «ботаники» пробовали напрячь свои телячьи мозги, что получалось с заметным трудом. Однако попытки оказались тщетными, и коллеги принялись за свои салаты. Падать в них бородой и очками научные сотрудники считали делом преждевременным.

– Один мой приятель в Костроме имел привычку так упиваться, что не мог отличить телескоп от микроскопа. Впрочем, это не мешало ему успешно защитить диплом, – бодро сказал Макс, чтобы, главным образом, рассмешить Майю. Самим «ботаникам» можно было гадить в ухо, они бы вряд ли заметили.

Молодые люди, не торопясь, со вкусом принялись за трапезу. Поддерживая дружеское общение, Макс изредка чокался с «ботаниками» рюмкой и не забывал подливать им еще. Сам он пил только пиво. Когда настало время десерта и Майя принялась сооружать из кофе и мороженого кофе-гляссе, состояние научных сотрудников вполне описывалось красивым и не совсем понятным выражением «упиться до положения риз». Володя что-то невнятно бормотал в тарелку, а толстячок замер и остекленел.

– Счет, пожалуйста, – известил Макс официантку. Уходить, не расплатившись, он находил нечистой игрой.

Разбитная официантка положила на стол красивую кожаную папку. В папке был счет. Макс с благостным видом кивнул. Когда официантка отошла, он зацепил за рукав сидящего рядом Володю.

– Тут счет принесли, – напомнил он.

– Ммм... – неопределенно пробормотал «ботаник». Он сосредоточенно жевал свой салат, ломтики капусты торчали изо рта и раскачивались, как щупальца.

– Володя, счет надо оплатить. Слышишь?

– Счет? Ага... – вяло кивнул «ботаник» и полез во внутренний карман.

Из пиджака он выудил пухлый бумажник, раскрыл и принялся бесцельно перебирать пальцами купюры. Денег было много. Очевидно, начальство на удивление щедро снабдило командировочными.

– Давай помогу, – взял на себя инициативу Макс, раскрыл кожаную папку со счетом, вытащил из бумажника добрые три четверти пачки, бросил в папку и закрыл. – Не мелочись, дадим на чай как следует, верно?

– Естесссс!.. – расщедрился Володя.

– И еще водочки закажем, – поддержал Макс.

«Ботаник» кивнул и опять сосредоточенно зашевелил щупальцами. Макс передвинул папку на край стола, вытащил пачку денег и отломил себе львиную долю, оставив на оплату счета, новый пузырь плюс чаевые.

– Здесь вам и водки еще одну принесите, – с достоинством сказал Макс угодливо улыбающейся официантке.

Майя прикончила глянсе, Макс налил «ботаникам» свежую порцию.

– Давайте, господа, чтоб не последняя! – провозгласил он, поднимая свою целехонькую рюмку.

Красноречивый жест сподобил на проявление активности даже впавшего в коматозное состояние толстячка. «Ботаники» синхронно вскинули рюмки, чокнулись, выпили и немедленно полирнули пивком, при этом Володя неопределенно прочертил в воздухе пальцами некую линию, которую вряд ли можно было бы назвать прямой или параболой.

– До новых встреч! – Макс похлопал по плечу Володю, но тот не отреагировал.

– Люблю наш народ, – поделился Макс впечатлением уже в тамбуре. – Пьют как заведенные.

– Мне они тоже показались механическими чудовищами, – вздохнула Майя. – Знаешь, был такой шахматный автомат из шестеренок, я где-то читала...

– А-а, «Турок», – припомнил Макс. – Но это чистая разводка была: внутри безногий человек сидел, который в шахматы умел играть, а всякие пружинки только для вида.

– И тут обманули, – с притворной грустью покачала головой Майя. – Никому верить нельзя! И что тут делать бедной девушке?

– Навыки совершенствовать, – ответил Макс, открывая вагонную дверь и пропуская вперед Майю.

Голоса, раздававшиеся из среднего купе вагона номер двенадцать, заставили Макса, пребывавшего после встречи с «ботаниками» в расслабленном состоянии, подобно наевшемуся сметаны коту, вновь сосредоточиться.

– Ну ты, дед, и даешь! – Голос принадлежал молодому, но уже вкусившему роскоши человеку, давно перешедшему из разряда простых граждан в разряд господ. – У тебя память, как у компьютера. Все карты запоминаешь, как срисовываешь.

Молодой человек был настроен явно благодушно. Когда Макс поравнялся с отворенной дверью игрового купе, господин как раз вручал пожилому несколько зеленых купюр.

– Да уж, приходится, – дребезжащим голоском ответил седой бородач в застиранной фланелевой рубашке. – Силы у меня не те, совсем старый стал. Вот и приходится памятью брать. Я ведь в молодости аспирантом был на кафедре астрофизики...

Майя была совершенно права, верить не следовало никому. Степан Васильевич Белобородько не был аспирантом, и у него не было вообще никакого диплома. Более того, к своим шестидесяти восьми годам он не

имел практически ничего. Столь бедственное положение объяснялось просто: Степан Васильевич был мелким шулером и ничем, кроме карт, никогда в жизни не занимался. Есть легенда, что каталы сколачивают к пенсии большое состояние и удаляются на покой в домик у моря. Как всякий миф, это имело под собой некую основу. Должно быть, какой-то шпилевой когда-то давным-давно в самом деле бросил игру и зажил у теплого синего моря, но, скорее всего, красивая история так и осталась в мечтах многочисленных игруль, встретивших старость на нарах и там окончательно сгинувших.

Не был исключением и Степан Васильевич Белобородько. Будучи человеком осторожным и даже боязливым, он умеренно пил, не пускался во все тяжкие и очень редко садился играть по-крупному. Мышиное поведение ограничило послужной список Белобородько всего парой ходок, так что клеймо особо опасного рецидивиста он пока не получил. Степан Васильевич промышлял преимущественно по купейным вагонам, следовавшим через территорию Украины из России или Белоруссии, иногда задерживаясь в небольших курортных городах, чтобы сорвать банчок у хмельной компании отдыхающих. Белобородько наказывал зажавшихся курортников, что доставляло ему некое моральное удовлетворение, по мнению шулера, вполне справедливое и логичное. Ведь даже его любимый в детстве писатель Максим Горький учил: «Если от многого взять немножко – это не кража, а просто дележка». У отдыхающих были деньги, семья и дом, а у него не было ничего. Рассказ «Пепе-нищий» Белобородько в молодые годы перечитывал не раз, и коварный смысл, заложенный босяцким писателем, сработал подобно химической мине, отравив тягой к обману его неокрепшую душу. Смыслом жизни Степана Васильевича сделалось ненасильственное побуждение незнакомых людей делиться с ним имуществом и деньгами.

Но и тут ему предстояло еще учиться и учиться.

Засунув деньги в нагрудный карман и любезно распрощавшись с молодым господином, старик покинул купе. Обременять проигравшего своим присутствием никогда не следовало. Лучше сохранить немного, чем потерять все, справедливо считал поездной исполнитель. Малость тут, малость там – глядишь, за полтора дня набежит приличная сумма. Тем более что на курортных рейсах зачастую расплачивались валютой. А доллары в провинции – это деньги, на которые можно жить, даже если по московским меркам они сущие гроши. «Главное – не высовываться!» – считал Белобородько вслед за Премудрым пескарем. Произведения Салтыкова-Щедрина Степан Васильевич хорошо знал с детства и некоторые идеи старался брать на вооружение.

Перекочевать в тринадцатый вагон ему помешала судьба. Парень, с жестким требовательным взглядом которого Белобородько встретился, выходя из купе, заставил шулера почувствовать тревогу. Старик попробовал разминуться с ним и улизнул было в тамбур, но хлопнувшая за спиной дверь заставила колени мелко задрожать, а тонкую струйку пота – скатиться вдоль позвоночника.

– Куда? Стоять! – Железная хватка за плечо развернула шулера лицом к парню.

Белобородько, прислоненный к стене, испуганно замер.

– Помнишь меня?

Парень глядел на него зло. Белобородько попробовал напрячь свою идеальную память, но от страха она отрубилась:

– Т-ты к-кто?

– Забыл, как год назад ехали? В картишки сели поиграть, а ты меня развел, как лоха последнего! Что, встретились, катала гребаный?!

Степан Васильевич захотел возразить, но не смог. В голове была пустота. Кажется, был кто-то похожий прошлым летом... на скольких же он тогда нагрелся? Наконец черепная коробка Белобородько наполнилась тоскливой мыслью: «Хорошо, если на небольшую сумму...»

Парень уверенно расстегнул пуговицы на кармашках Степана Васильевича и деловито их обшмонал, зная, что не встретит сопротивления.

– У, бабла нагреб, бобер старый! – процедил он. – Я тебя в ментовку сдавать не буду, а просто нож воткну, хочешь?

– Не надо, – проблеял Степан Васильевич. Голос предательски пустил петуха. – Может, разойдемся как-нибудь?

– Тогда вали с глаз долой. Еще тебя в поезде увижу... – Макс, завершив изъятие незаконно накопленных средств, сделал лицо еще более угрожающим, – ...поставлю на перо! Усек?

Белобородько мелко и часто закивал. Теперь он был готов выполнить практически любые требования победившей стороны. Но парень, забрав деньги и колоду карт, ушел в вагон, на прощание обернувшись и пронзив Белобородько столь свирепым взглядом, что колени Степана Васильевича дали полную слабинку, и он уперся носом в металлическую стенку тамбура.

Немного оправившись от пережитого и подкрепив силы в вагоне-ресторане, для чего пришлось потратиться из секретной заначки под стелькой, Белобородько в весьма расстроенном состоянии сошел на первой же станции, проклиная злую судьбину. «Плохо человеку, когда он один, – вспомнил Степан Васильевич заученные в детстве стихи Маяковского. – Трудно одному, один не воин. Каждый сильный ему господин и даже слабые, если двое... Надо на пару с кем-нибудь работать, как все нормальные исполнители, а то будут драконить все, кому не лень. В общем, единица – кому она нужна?» В стихах еще было что-то про комариный писк, как раз кстати: на платформе наглый кровосос сел на кончик носа Степана Васильевича. Белобородько, яростно скребя нос, купил билет до Москвы, чтобы в пути потрогать за жирное вымя командированных в столицу. Он не очень расстроился из-за произошедшего. В школе жизни тоже существовали свои экзамены, зачеты и контрольные, иногда оставлявшие учащегося с длинными «хвостами» больших долгов, а то и вовсе вышибавшие за неуспеваемость на тот свет. Последнего, как считал сам Степан Васильевич, удалось счастливо избежать. Он заблуждался, думая, что встречал и выкатывал этого парня раньше. Макс был гидом по стране заблуждений. В этом поезде верить нельзя было решительно никому.

– Ну как? – спросила Майя, поджидавшая напротив своего купе у окошка.

– Собрал плоды просвещения, – похвастался Макс и хлопнул по карману, в котором лежали доллары и колода карт. – Я же говорю, что навыки нужно совершенствовать. На сей раз обошелся даже без удостоверения сотрудника уголовного розыска.

В туалете он пересчитал навар. Старик наиграл на сто двадцать долларов, да «ботаник» Володя поделился командировочными в рублях примерно на ту же сумму.

– Подобрали мелочь по ходу дела, – гордо, но негромко, чтобы не слышали соседи, сказал Макс. – Чего только не валяется под ногами в самом обыкновенном поезде? Только успевай нагибаться и поднимать.

Майя не ответила. Ветер из приоткрытого окна взбивал волосы и заставлял щуриться. Макс вздохнул, наклонился к лицу девушки, скромно поцеловал ее в щечку и подытожил тихонько:

– Я не Билл Гейтс. Это ему нельзя останавливаться и нагибаться за каждой брошенной сотенной, потому что за те две секунды он заработает гораздо больше. А я не так богат, нам и столытник зеленых пригодится. – После ресторана и наезда на шулера он сделался излишне многословен и сентиментален.

От пива Майю тоже развезло. Она решила ненадолго прилечь, но вместо этого быстро уснула сном человека, незнакомого с угрызениями совести. Макс зевнул и примостился на свою полку. Он вырубился, а когда открыл глаза, за окном уже почти ничего не мелькало. Поезд мчался сквозь дивную летнюю ночь, и лишь редкие светлячки-фонари да огни машин на шоссе в отдалении нарушали мрак Средней полосы России. В купе тускло горел одинокий ночник. Старичок-генерал шелестел газетой.

«Еще сутки ехать! – Макс посмотрел на часы. – Надо отсыпаться с запасом. Следующая ночь будет долгой».

Он поступил как Штирлиц. Приказал себе заснуть и – о, чудо! – заснул.

Поезд плавно дернулся и остановился. Макс открыл глаза. Майя еще спала, сложив ладошки и подсунув под щеку. Попутчики тоже дрыхли. Он спрыгнул со своей полки, повиснув на руках, прямо в кеды. Нацепил их, не зашнуровывая, а только положив шнурки под стопы, и вышел в коридор.

За бортом вагона жизнь уже кипела вовсю: по перрону сновали путейцы в ярких жилетах кислотной расцветки, тетки продавали с рук какую-то снедь и бутылки пива, а высыпавшие из состава пассажиры выстроились к ним в очередь. Макс, направляясь к выходу, спросил у заспанной проводницы:

– Что за станция такая, Дибуны или Ямская? Стоим-то долго?

Творчества Маршака молдавская проводница явно не помнила или вообще не знала, а может быть, просто не сообразила. Она выкатила круглые бараньи глаза, испуганно улыбнулась и прощелбетала:

– Стоянка восемь минут.

«Вот дурочка! А какая очаровательная», – лениво подумал Макс.

Он спрыгнул на перрон и прошелся вдоль состава, принимая парад продавщиц. Тетки развели торговлю пирожками, копченой рыбой и сваренной по-домашнему картошечкой, заботливо почищенной, уложенной порциями в пакетики, щедро посыпанной зеленью и сдобренной подсолнечным маслом. Полиэтилен лоснился и так аппетитно облегал круглые картофельные бока, что сразу становилось ясно, насколько в пакетике все теплое и вкусное. Времени уже оставалось немного, и Макс направился прямо к продавщице.

Очередь взволновалась, но вздроптать не успела.

– Вы что, не видите, я только что подошел! – категоричным, не терпящим возражения тоном оборвал их потуги Макс и протянул деньги. – Две порции дайте, пожалуйста.

Покинув толчею, держа пакетики за узлы – картошечка была добротной горячей, – Макс бросил взгляд на окна вагона, где ехали «ботаники». Там вообще никакого движения не наблюдалось. «Одупляются после вчерашнего, – подумал Макс. – Ох, нелегко им будет сегодня!»

Сквозь сон Майя легким движением головы отказалась завтракать так рано, и ароматную бульбу Макс с превеликим удовольствием уплеп в одно жало. Тем более что с вечера оставалась нетронутая баклажка пивка, под которое картошечка с зеленью мило и непринужденно улеглась в желудке. Врач-афганец из вежливости согласился разделить стаканчик пива, но от

картошки и бутербродов также отказался. Старичок-генерал мирно дремал, накрыв лицо простыней.

Порубав, Макс пришел в благодушное состояние, а пиво на старые дрожжи основательно настроило его покемарить.

«Ладно, не убегут „ботаники“, – зевнул он и рассудил: – Куда они с поезда денутся?»

Проснулся Макс в добром расположении духа. Плотный завтрак с легкой дозой пива оказал свое целительное действие. Даже обнаруженная в туалете надпись кровью «Ура!», оставленная шаловливым женским пальчиком, не вызвала тошноты. Макс умылся и почувствовал себя готовым к подвигам.

– Эй, соня, пойдешь завтракать? – потерял он за плечико свою спутницу. – Или тебе сюда принести?

– Принеси. Я не Соня, – пробормотала Майя, не открывая глаз.

– Ах да! Таки шо ви говорите? – вздохнул Макс и отправился в ресторан один.

Определить, в каком именно купе десятого вагона командированные отходили после возлияний, оказалось проще простого. Одна из дверей, в отличие от всех остальных, была распахнута настежь. Из купе несло смрадным букетом из сырного тлена нестираных носков, злого перегара и мерзкой домашней стряпни. Очевидно кто-то из «ботаников» развернул заботливо уложенный женой тормозок.

Преодолевая отвращение, Макс вошел в купе.

Володя валялся на нижней полке, не удосужившись снять даже ботинки, щедро осыпанные табаком из поломанных спяну сигарет. В бороде у него застряли давешние щупальца квашеной капусты. Толстячок спал как убитый, привалившись боком к окну. Макс удивился: как это он сидит, не обращая внимания на острые ребра рамы? Из рта толстячка свисала потухшая папироса, при этом он ухитрялся тонко, почти по-детски то ли сопеть, то ли храпеть. Между «ботаниками» на столе валялись на мятой газете огрызки хлеба, стояли три стакана в железнодорожных подстаканниках, полупустая бутылка с мутной жидкостью и нетронутая банка колы. Чемоданище занимал одну из верхних полок. На соседней примостилось всклокоченное существо, напоминающее гуманоида непонятного пола. Существо сверху что-то бормотало сквозь сон. Обитатели зловонного купе не подозревали о появлении светоча разума, явившегося вывести их из сонного царства на экскурсию по стране заблуждений.

Макс открыл теплую банку колы, сделал пару глотков, с отвращением скривил губы и вылил остатки в стакан. Туда же он щедро добавил мутной жидкости из бутылки, потом схватил Володю за плечо и размашисто тряс его, пока «ботаник» не очухался.

– Здорово, земляк! – выпалил Макс, как только Володя обрел способность видеть и слышать. – Вставай. Жрать пора!

Володя разлепил веки и замычал.

– Вставай. На вот, похмелись! – протянул Макс стакан.

Бородач ухватил подстаканник за ручку и жадно глотнул коктейль из сивухи. Выхлебав половину, он замер.

Макс попятился. Ему почудилось, что Володя выдаст сейчас фонтан с ужином вперемешку.

Между тем «ботаник» просто приходил в себя.

– Ух, здорово! – пробормотал он, поставил стакан на стол и посмотрел на гостя.

– Здорово мы вчера дали! – одобрительным тоном сказал Макс, стараясь для пущей ясности использовать слова собеседника. – Ух, а помнишь, что в ресторане творил?

– Помню... – согласился Володя. – А чего было?

– Да ничего, все нормально, проехали, – отмахнулся Макс, подогрев его страхи, усиленные жестоким похмельем. – Пошли лучше завтракать, а то угодишь вместо симпозиума в гастрологию. А это что за пассажир?

Очкарик сосредоточил взгляд на существе с верхней полки и промычал:

– Да какой-то пассажир... едет с нами... А сколько времени?

Времени было уже без малого одиннадцать, и Володя довольно легко дал себя уболтать насчет ресторана. Правда, для этого ему пришлось допить стакан коктейля и тяпнуть еще чистой сивухи.

– Это чтобы башка не треснула, – пояснил он.

– Правильно, – одобрил Макс, – давай, чтобы не треснула. А то до ресторана не дойдешь, где-нибудь в тамбуре свалишься.

«Ботаник» пребывал в той степени похмелья, когда даже самый взрослый и суровый человек становится беспомощен, как дитя, а потому старается слушаться старших – те не посоветуют ничего дурного. Они попытались растолкать толстячка, но зеленый змий так цепко зажал его в своих кольцах, что вернуть «ботаника» из царства Морфея не удалось. Затем к Володе вернулась пара десятков единиц IQ, потому как он вполне осознанно, хотя и без особого повода спросил:

– Не знаешь, там завтраки дорогие?

– Не дорогие, нормальные. – Макс легким панибратским шлепком ладони по плечу подтолкнул бородатого к двери. – Да, коллеге тоже надо что-нибудь принести, а то проснется и есть захочет. Так что возьми его бумажник.

Официантка при виде вчерашних щедрых клиентов мигом родила на лице радушную улыбку:

– Прошу вас, что закажете? – Она указала на самый опрятный столик.

Заведение пустовало, но по некоторым признакам под столами Макс понял, что гуляли здесь ночью до полной выработки батареек.

– Позавтракать. Что у вас есть? – решительно заявил от лица обоих Макс.

– Соляночка, салат «Московский» с курятиной, яичница с ветчиной, минералка и пирожки с повидлом, – с ноткой подозрительности объявила она.

– Несите, – успокоил ее насчет навару с пьяного пассажира Макс и без паузы определился: – Две солянки с яичницей. Еще один салат на вынос упакуйте, туда мясного побольше. Сюда бутылочку крепленого красного и пару бокалов.

– Минуточку, – хитро улыбнулась официантка и проплыла внутрь.

Володя, пригревшись на стуле, стал клевать носом. Адская смесь сделала злое дело. Макс даже пришлось вернуть его к жизни легким толчком в бок, когда подали заказ. Бородатый заторможенно тыкал вилкой, Макс же, напротив, ел довольно споро и первым завершил завтрак, во время которого то и дело подливал вина «ботанику». К этому моменту Володя вернулся почти в то же самое состояние, в котором Макс с Майей оставили его вчера.

– Ты не торопись, земляк, – мягко сказал Макс. – Ешь как следует, чтобы желудок был в порядке. Я поесть твоему коллеге сам занесу, да заодно разбужу его.

«Ботаник» удовлетворенно кивнул головой и ничего не ответил. Жизнь снова стала для него хороша, солнышко пригревало и даже малость пекло. Тут бы упасть и расслабиться, как на пляже. До этого приятного поступка оставалось недолго.

Макс долил «ботанику» в бокал остатки вина и повертел в руках пустую бутылку, многозначительно поглядывая на официантку. Она тут же подлетела, и Макс показал на пальцах: еще одну. Официантка кинулась на кухню за добавкой, а Макс направился в свой вагон, оставив бородатого допивать и расплачиваться.

Возвратившись, Макс обнаружил в вагоне необычайно много престарелых фронтовиков. Проспавшиеся и бодрые, они сновали по коридору, прижимая к груди прозрачные папочки с фотографиями и початые бутылки коньяка. В одном из купе они устроили настоящий зал боевой славы, заправляла в котором энергичная пожилая женщина, бывшая медсестра, как Макс понял из разговоров. Когда-то девчонка в звании рядового, сейчас она живо командовала

полковниками и генералами, а они, с добрыми улыбками старых волкодавов, охотно подчинялись. Макс из любопытства поглядел снимки через головы ветеранов. С фотографий на него смотрели молодые и какие-то бесконечно наивные ребята в гимнастерках, шинелях с ушанками или овчинных полушубках. Все они сражались здесь, под Курском, куда ехали на слет их уцелевшие товарищи. Со снимков пахло настолько чистым духом прошлого, что захотелось вывести из поезда всю нынешнюю человеческую пену: карточных шулеров и разбитных официанток, вороватых проводников и никчемных научных сотрудников, – поставить под насыпью и срезать очередь из ППШ. Макс сглотнул, протиснулся в свое купе и залез на полку. Он с легкой грустью подумал, что тоже возвращается к месту службы, и решил, что в армии было в общем-то неплохо.

Погруженный в грезы Макс не сразу заметил, что на него смотрит Майя. Лежит на полке, притаилась, как зверушка, и глядит.

– Завтрак для тебя на столе в пакете, из ресторана захватил, – лениво бросил Макс и смежил веки.

Состав раскачивался, шумел, в приоткрытое окно задувало несильным свеженьким ветерком. Если напрячь воображение, можно было представить, что лежишь под тентом на верхней палубе круизного лайнера. Зверушка спустилась с ветки и зашуршала бумагой. Так славно...

В Курске ветераны сошли, а вместе с ними и доктор-афганец. Вагон разгрузился, в нем стало легче дышать. Поезд снова набрал ход. Проспавшийся и ободрившийся Макс стоял в коридоре у окна и увлеченно смотрел на мир, шурясь от влетающего в поднятую раму ветра. От этого занятия его ничто не могло оторвать. Даже разносчик дорожной прессы, вызывающий «Меняю газетки на монетки!», несколько раз шнырял мимо, но так и не смог заинтересовать замороженного открывающимися все новыми и новыми видами пассажира. За стеклом пролетали возделанные поля, заброшенные поля и леса, леса и поля. «Россия, – подумал Макс, – это много бросовой земли, на которой живет много бросового народа».

Он вышел из созерцательного транса и вернулся в купе. Майя устроилась на пустой нижней полке врача, перед уходом с военной аккуратностью сложившего в изножье подушку и одеяло, и сноровисто разгадывала кроссворд. Должно быть, обменяла монетку на газетку.

– Регалия, носимая на шее византийскими императорами. – Майя закусила нижнюю губу и впиалась глазами в пустые квадратики. – Шесть букв, первая и третья «а».

– Акакия, – нашелся Макс и сам себе удивился.

– Подходит. – Майя быстро заполнила строчку. – А еще: резец скульптора, восемь букв, первая «с», четвертая «р».

– Скарпель.

– Ты какой-то не по-народному грамотный, – заметила Майя.

– Память хорошая. – Макс присел на диванчик генерала.

– А вот еще: подпись художника на картине, девять букв, третья «г», четвертая «н», восьмая «р»...

– Что у тебя за кроссворд такой исторический? – вместо ответа поинтересовался Макс.

– Какой есть. Я все знакомые слова отгадала, остались только странные какие-то.

– Охота тебе время тратить на то, что и так известно, да к тому же совершенно бесполезно?

– Ну пожалуйста, всего три слова! – заныла Майя.

– Прежде чем отгадывать весь кроссворд, задумайся, что ты будешь делать потом, – наставительно произнес Макс.

– Ты когда-нибудь в поезде трахался? На полном ходу?

– Нет, – удивился Макс.

– И я нет. Давай попробуем. Только сначала кроссворд разгадаем.

– Подпись художника – сигнатура, – сдался Макс.

Глава восьмая, в которой влюбленная парочка попадает в независимое иноземье и совершает романтическую прогулку

Они едва не проехали границу. После Белгорода за закрытой дверью купе стали расхаживать валютчики, ненавязчиво предлагая обменять рубли на гривны, но влюбленной парочке не было до них дела. Спихнулись только, когда поезд остановился и за окном проплыло название станции «Казачья Лопань».

– Сейчас казаки войдут, а мы не одеты! – шепнул Макс.

– Ужас!

Майя сделала трагические глаза, и, беззаботно хихикая, влюбленные принялись спешно натягивать разбросанную одежду.

Вместо казаков, однако, в вагон зашла заборная молодуха в зеленой пограничной форме и стала проверять документы.

Макс не беспокоился за свою старую фанеру. Паспорт РФ, подделанный на совесть и в неспешной обстановке, был идеального качества, если только не проверять его по милицеской базе, где он давно значился как утерянный. Женщина-сержант мельком глянула на фотку и тут же вернула, больше внимания уделив иммиграционным картам. Их мошенники заполнили накануне вечером, сразу после того, как бланки раздала проводница. Вписывать данные в клеточки пришлось крошечными буквами, и Макс похвалил себя за предусмотрительно захваченный набор шариковых ручек, в котором нашлась нужная с совсем уже тонюсеньким стержнем.

– До возвращения не теряйте. Счастливого пути! – Пограничница стукнула печатью по картам и направилась в следующее купе.

– И это все? – недоуменно фыркнула Майя.

– А ты хотела, чтобы тебя обшарили с ног до головы, проказница, да еще вытряхнули чемоданы? Мы же не в Прибалтику едем, а в Крым отдыхать. У нас отношения, можно сказать, как в Евросоюзе. – Обрадованный мирным досмотром Макс растянулся на полке. По правде говоря, он все еще ждал появления шумно пыхтящей немецкой овчарки в сопровождении пары-тройки грозно сопящих автоматчиков. Как-то не верилось, что весь пограничный контроль заключается в доброжелательной и нелюбопытной женщине с печатью.

Тем не менее, когда спустя минут двадцать поезд тронулся, выяснилось, что это так. Никаких казаков и овчарок с автоматчиками не появилось. Не было их и снаружи, хотя Макс во все глаза высматривал оцепление, колючую проволоку и разные другие признаки государственной границы.

«Все, мы уже на Украине. Интересно, как там „ботаники“ поживают, не ссадили их с поезда? – подумал Макс. – Они хоть понимают, где находятся и куда едут?!»

Некоторое время его занимали мысли о положении незадачливых научных сотрудников, а потом Макс решительно выбросил их из головы. Он снова пристроился в коридоре у открытого окна, жадно впитывая красоты цветущего мира, по которому мчал его поезд.

После Казачьей Лопани все надписи, встреченные на станциях и полустанках, пошли на официальном украинском языке и ниже пояснительные – на русском. Макс немало подивился двоемыслию граждан Незалежной, возникшему в борьбе с новоязом, и впал в растерянность, углядев вокзальные часы. «Мои спешат или у них отстают?» – Макс посмотрел на циферблат своих «Касио» и спросил у проходящей кстати проводницы:

– Сколько времени?

– При въезде на территорию Украины отводим стрелки на час назад, – прошептала девушка, совершенно не удивившись. Должно быть, этот вопрос ей задавали тысячу раз.

– Ну, ваше, суверенитет! – пробормотал Макс, послушно выставляя казенное время.

– Меняю рубли на гривны, гривны на рубли, – донеслось сквозь дорожный шум.

Макс повернул голову и увидел недалеко от себя крупного парня в клетчатой рубашке и спортивных штанах. Меняла неторопливо шел, заглядывая в купе и предлагая совершить обмен по выгодному курсу. К нему никто не стремился.

– Меняем, молодой человек? – пригласил он к сотрудничеству встреченного по пути Макса.

– Нет, спасибо, – кратко и вежливо отказался аферист.

Валютчик обратился с тем же вопросом к Майе, но та, глянув на своего спутника, отказалась.

– Как хотите, здесь самый выгодный курс. В Симферополе будет дороже, – пропел меняла, прежде чем отчалить.

– Чего ты не хочешь деревянные на хохлобаксы поменять? – напустилась она на Макса, едва валютчик скрылся в тамбуре. – Слили бы ему тонн пять, чтобы на вокзале не париться. Ночью же приедем!

– Там и ночью обменники открыты. – Макс верно угадал прелести курортного сервиса. – В поезде менять не советую. Здесь курс, конечно, выгоднее, но высок шанс получить фальшивые гривны, если меняла тебя за лоха сочтет.

– А мы так сильно на лохов похожи? – надулась Майя.

– Ну, во-первых, неизвестно, что в голове у него перемкнет, – рассудил Макс. – Во-вторых, мы хоть и ребята что надо, но здорово маскируемся.

Майя, если и заметила издевку, то виду не подала.

Минут через десять после первого менялы появился второй, толстощекий чернявый мужик с глазами навывкате. В руках он ничего не держал, но из расстегнутой сумки-кенгурухи виднелась толстая пачка дензнаков стран-соседей.

– Рубли на гривны, гривны на рубли, меняем-меняем, – монотонно бормотал он, приглядываясь к реакции пассажиров.

У ненавязчивого валютчика дела шли куда лучше, чем у его настырного коллеги. Пассажиры то ли его не боялись, то ли были настолько заворочены гипнотическим напевом, что полезли совершать сделки. Макс остался к его заклинаниям равнодушен, а вот Майя сунулась было с кошельком, пришлось вежливо оттеснить ее обратно в купе.

– Ты чего? – прошипела Майя.

– Ну-ну, знаю я тебя, обменяешь на тысячу, стибришь двадцать тысяч. Прячь тебя потом на багажной полке от разъяренных барыг, – урезонил Макс свою непоседливую подругу и, видимо, попал в яблочко, потому что Майя не нашла, что возразить.

Она вернулась на свое место, достала несессер и увлеклась маникюром, а Макс занял пост у окна.

После Харькова деревенские дома, утопающие в садах, крышами ничем не отличались от изб северо-запада России в Любцах или, скажем, в Любани, только стены у всех были кирпичные. Деревянный дом, как в Ленобласти, Макс заметил только один.

В сумерках проехали Сиваш. Залив подступил к насыпи с обеих сторон, казалось, поезд вот-вот свалится в воду и утонет вместе со всеми пассажирами. Это было страшно и весело. По вагону разносили пиво. Запотевшую бутылку «Оболони» Макс приобрел за двадцать рублей и был сильно удивлен, почему в поезде ледяное пиво ценится так дешево. Взятый на закуску лоток с парой котлет, картофельным пюре, огурцом, помидором и хлебом стоил шестьдесят рублей.

– Добро пожаловать за границу, – пробормотал Макс.

Заключительные полчаса они с Майей сидели как на иголках, сдав проводнице белье и глядя на ночной урбанистический пейзаж. В купе было темно. От возникшего дискомфорта хотелось спать. Промышленная застройка полосы отчуждения нагоняла тоску. Проходимцы молчали. Им было зябко и неудобно.

Морок закончился в полвторого ночи, когда за окном появились вокзальные здания. Макс сразу же почувствовал себя в своей тарелке, подхватил собранный багаж и понес в тамбур, где уже сгрудились выходящие в Симферополе пассажиры. Через три минуты поезд плавно остановился. Они вышли на длинный широкий перрон перед большим и красивым зданием симферопольского вокзала.

Макс вспомнил, как отправлялся на дембель из зала ожидания джанкойского вокзала, похожего на одноэтажный барак. По сравнению с ним симферопольский, недавно отремонтированный, просторный и светлый, казался дворцом. Макс и Майя сразу же заблудились в его залах и коридорах. Ночью все сидячие места оказались забиты спящими пассажирами.

– Давай сдадим вещи и погуляем по городу, – предложил Макс.

– Давай, – охотно согласилась Майя.

Камера хранения, расположенная сразу напротив перрона, мало напоминала привычные закутки. Вместо затертого локтями и сумками барьера Макс обнаружил идущую над полом ленту небольшого конвейера, на которую удобно было класть багаж. Поколебавшись, Макс оставил при себе котомку, без которой не мыслил себя на чужбине. Как бы ни хотелось ему прогуляться налегке по летнему южному городу, оказаться без носимого аварийного запаса плутовского имущества за тысячу с лишним километров от дома было страшновато.

Возле здания вокзала на них накинута свора таксистов-частников, слетевшихся к прибытию очередной порции изголодавшихся по морю и солнцу северян.

– В Евпаторию едем?

– В Ялту, дешево?

– В Алушту, молодые люди?

– Нет-нет, спасибо, – парировал Макс. – Нам не надо ехать. Видите, мы даже без багажа.

Сраженные столь веским и новым для них аргументом, частники отступили, но тут же накнулись на жирный кусок – тучных супругов с парой пухлых детишек и тяжелыми сумками, стали предлагать избитые варианты, один выгоднее другого, и вроде бы даже уломали. Макс бросил наблюдать за ушлыми извозчиками, взял Майю под руку, и они пошли вдоль привокзальной площади, заполненной рейсовыми автобусами всех мастей, мимо работающего круглосуточно «Макдональдса», подальше от скопления людей и станционной порочной атмосферы, замешанной на сутолоке, алчности и скуке ожидания.

– Черт, заманчиво! – Макс даже прищелкнул языком. – Может быть, в самом деле махнуть куда-нибудь в Ялту или в Гурзуф? Ты была в Ялте?

– Я вообще в Крыму не бывала, я же тебе рассказывала.

– Помнишь «Ассу»? Там зимняя Ялта, пальмы, припорошенные снегом, зимний шторм...

– А помнишь, как они на фуникулере ехали и песня еще играла «Под небом голубым есть город золотой»? – Майя прильнула к его плечу.

– Помню, – задумчиво улыбнулся Макс. Вокзал остался позади, они брели по широкому проспекту, освещенному холодным светом уличных фонарей. – Там такая эстетика запустения и кокетство обнищания. Продали совкам романтику любви для бедных, иллюзию, что рай бывает в шалаше. Бывает... Ненадолго. В итоге вопрос юношеской страсти зарешал богатый папик со своими торпедами.

– А у тебя первая любовь какая была? – поспешила Майя съехать с темы кино, видя, что Макса заносит в канаву отчаянного цинизма.

– У меня хорошая была первая любовь. В школе еще, в девятом классе... Она была очень яркой, первая красавица. В Америке сделали бы королевой выпускного бала.

– А потом? – зачарованно спросила Майя.

– Потом я ушел в армию.

– Она тебя дождалась?

– Это только мать ждет вечность, – ухмыльнулся Макс. – Друзья ждут два года, девушка – год. А сержант – сорок пять секунд! – добавил он и заржал.

– Почему сорок пять? – опешила Майя.

– Потому что терпение кончается. Минуты на выполнение приказа слишком много, пол-минуты мало, а сорок пять секунд – в самый раз. Золотая середина, так сказать.

– А девушка, твоя первая любовь?

– Пока связист мотал катушку, студент имел его подружку, – с горечью ответил Макс. – Это про меня. Я сюда приехал из учебки связи. И с тех пор ненавижу студентов.

– И ты больше никого не любил?

– Вот гостиница. – Вместо ответа Макс ткнул пальцем в неоновую вывеску «Москва». – Давай номер снимем, а завтра с утра из камеры хранения вещи заберем и спокойно поедem. Или здесь еще на пару дней останemся. Я давно хотел Симферополь посмотреть. Бывал тут, когда служил, ненадолго заезжали, да что в армии увидишь? С тех пор мечта исследовать город осталась.

– А почему ты здесь не побывал с тех пор?

– Недосуг было. – Макс потянул на себя тугую дверь и пропустил Майю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.